СЕРГЕЙ ЛОБАНОВ

МЫ БУДЕМ НА ЭТОЙ ВОЙНЕ НЕ РОДНАЯ КРОВЬ

"Припомни, Господи, сынам Едомовым день Иерусалима, когда они говорили:
"разрушайте, разрушайте до основания его".
Дочь Вавилона, опустошительница! блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам!
Блажен, кто возьмёт и разобьёт младенцев твоих о камень!"

Библия Ветхий завет
Псалтирь Псалом 136

Сергей Владимирович Лобанов
Мы будем на этой войне. Не родная кровь

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6564706

Аннотация

Россия, лето 2016 года. Страна замерла в шаге от пропасти гражданской бойни. Война неизбежна, она придёт в каждый дом, в каждую семью, к каждому из нас. Придёт незваной, уничтожит и отнимет всё, что было прежде; разрушит все мечты и планы на мирное будущее, заберёт жизни многих и многих…

Готовы ли вы к ней?

Героям этой книги – трём братьям, необходимо сделать выбор: быть вместе или пойти друг на друга с оружием в руках, как предречено в Библии в Книге пророка Иезекииля: «Меч каждого человека будет против брата его».

Содержание

Пролог 4
Часть I 7
Глава I 7
Андрей 7
Фёдор 25
Иван 48
Глава II 83
Конец ознакомительного фрагмента. 106

Сергей Лобанов
Мы будем на этой войне. Не родная кровь

«Меч каждого человека будет против брата его»
Библия, Книга пророка Иезекииля, 38:21

Пролог

Россия. 2016 год.

Этот год стал переломным в новейшей истории России. Страна рухнула в пропасть братоубийственной бойни. Но случилось это не сразу. Вначале по всей стране набирало силу гражданское противостояние между сторонниками федеральной власти и приверженцами крепнущей Объединённой Оппозиции.

«Рука Москвы» становилась всё слабее. Страну захлестнула безработица. Повсюду проходили митинги, шествия, акции протеста, сводившиеся к одному: «Доколе?! Сколько можно терпеть всё это?! Гнать этих сволочей из власти, вешать на фонарных столбах!»

Им противостояли «группы активистов» организованные представителями федеральной власти, проводившие свои

митинги и шествия. Нередко подобные противостояния переходили в массовые потасовки и даже поножовщины со стрельбой. В ход шли биты, кастеты, арматурные пруты. Горели припаркованные у обочин легковушки, зияли провалами разбитых витрин разграбленные магазины и бутики, лежали покалеченные и убитые, выли сирены полицейских машин, карет скорой медицинской помощи, пожарных автомобилей…

У порога встал давно позабытый призрак голода. Магазины, рынки, продуктовые базы опустели, но бесконечные нервные скандальные очереди всё равно выстраивались в неистовой надежде – авось, да и «выкинут» что на прилавки.

Не так долго оставалось до холодной зимы, когда из-за повсеместного бардака и неразберихи перестанут отапливать квартиры, не будет ни холодной, ни горячей воды, а с электроэнергией уже начались постоянные перебои. Как жить в промороженных, тёмных квартирах без элементарных удобств? Люди с содроганием гнали от себя такие мысли, но понимали: самоуспокоение не спасёт от неизбежного, давно предрекаемого апокалипсиса.

Неверие никому, отчуждение и неприязнь росли как снежный ком. Никем не контролируемая миграция населения приобрела массовый характер. Многие искали местечко, чтобы переждать надвигающуюся беду, не умереть в городах от голода, холода и неизбежных инфекционных заболеваний. Другие надеялись на лучшее и оставались на наси-

женных местах, или им просто некуда было идти. Часть наиболее обеспеченных россиян устремилась за пределы страны, уже не веря в благополучный исход дела.

В одних регионах ситуацию худо-бедно контролировали федералы, в других – оппозиционеры. А где-то ни одна из противоборствующих сторон не была способна надолго удержать власть.

По всей стране политическое противостояние и личная неприязнь круто замешались на религиозной и этнической нетерпимости. Радикальные исламисты выгоняли и убивали русских, а они, если могли, отвечали тем же. Другие конфессии тоже не оставались в стороне. И все вместе, как всегда случается в подобных ситуациях, во всём винили евреев.

Опять появились бесноватые кришнаиты, замелькали всевозможные пророки и пророчицы, предрекая скорый и неизбежный конец света…

Сводили старые счёты недруги, беспредельничали освободившиеся уголовники, бесчинствовали мародёры и прочий сброд, почувствовавшие безнаказанность. Для защиты люди стихийно объединялись в отряды самообороны многоквартирного дома, городского двора, деревни, посёлка.

Хаос объял страну. Каждый готовился к ещё большим бедам…

Часть I
На краю

Глава I
Братья

Андрей

Июнь, 2016 год. Восточная Сибирь. Один из элитных коттеджных посёлков неподалёку от города Красноярска.

Андрей Николаевич Савельев, мужчина возрастом чуть за сорок, солидного вида, крупного телосложения, ростом под метр восемьдесят, обременённый брюшком, осматривал окрестности прищуренными из-за яркого солнца карими глазами. На его привлекательном лице с правильными чертами лежала печать властности чиновника далеко не последнего разряда. Ранняя седина уже серебрила виски, а высокий лоб бороздили морщины.

Мужчина испытывал давно поселившееся в душе и ставшее почти привычным чувство тревоги. Вся его небольшая семья – жена Наталья и уже достаточно взрослые и почти са-

мостоятельные дети-погодки Егор и Ольга находились в этом коттеджном посёлке, в их общем большом трёхэтажном доме. Хоть они и были под приглядом, но именно за их безопасность и переживал Андрей Николаевич, всё же стараясь при посторонних не подавать виду.

У других жителей посёлка ситуация похожая: почти все успели перевезти своих близких из города, где вовсю гуляли «отвязавшиеся» толпы погромщиков, мародёров, налётчиков, стихийно образовавшихся уличных банд, с коими не справлялись ни полиция, ни внутренние войска, ни МЧС, ни армия. Силовиков самих лихорадило: одни глядели в сторону федеральной власти, другие открыто говорили о своей приверженности оппозиции.

Владельцы загородной недвижимости беспокоились, что скоро потерявшее от безнаказанности чувство меры быдло придёт за ними. Оно пресытится грабежом города и тогда ринется по посёлкам, ведь именно там, по мнению этой мрази, окопались все кровопийцы, пившие кровь трудового народа, разворовывавшие бюджет, бравшие откаты и непомерные взятки. Единичные случаи нападений уже происходили.

На кол их всех!!! – с таким лозунгом налётчики шли на преступления.

Наворованное экспроприировать, а по-простому – разбить вдребезги, растащить, раздербанить.

Так уже было сто лет назад…

Мужчина вздохнул.

– Переживаешь, Андрей Николаевич? – вежливо спросил Артемьев Юрий Петрович – мужчина близкого возраста, не менее солидного и властного вида.

Хоть оба и были в камуфляже, но он не скрывал принадлежность мужчин к миру обеспеченных и привыкших отдавать распоряжения.

– Не по душе мне когда ситуация выходит из-под контроля, – откровенно признался Савельев. – Да и тебе, Юрий Петрович, как я погляжу, тоже.

В ответ собеседник коротко кивнул, плотно сжав губы волевого рта, и поправил ремень висевшего на плече охотничьего ружья.

– Хорошо, хоть семья здесь, – всё же добавил Артемьев. – И всё равно неспокойно мне. Что мы можем с этими ружьями против толпы? Как ты сам знаешь, на весь посёлок набралось всего девятнадцать стволов вместе с пистолетами. Если полезут одновременно с разных сторон, – конец нам всем. Это и нервирует меня. Охрана вся разбежалась. Да и толку от неё всё равно никакого не было. Дармоеды, как ни приеду – постоянно дрыхнут на посту. – Юрий Петрович недовольно цыкнул уголком рта, помолчал недолго и продолжил: – Они первыми начнут показывать мародёрам, какие дома грабить, да и сами полезут вместе с остальными сволочами… Пулемётов бы штук десять сюда. Тогда охладили бы пыл любой толпы.

– Где ж их взять-то? – хмыкнул Савельев.

– У меня свояк служит на оружейном складе. Сколько раз я ему предлагал перейти на продовольственный! Помог бы, есть такая возможность. Не хочет. Я, говорит, солдат, а не крыса складская, чтоб тушёнку воровать.

– Если у тебя свояк такой правильный, то все твои мечты, Юрий Петрович, о пулемётах, мечтами и останутся, – заметил Савельев. – Хотя должен признать, что сам не отказался бы от такой защиты. Ситуация действительно критическая, заниматься самоуспокоением нельзя. Эти гады никого из нас не пожалеют. Мы для них и есть олицетворение того самого зла, что губит Россию, за которую все они так радеют с пеной у рта.

– Тут такое дело, – задумчиво произнёс Юрий Петрович, – у свояка тоже ведь семья есть. Они в городе живут, а там, сам знаешь, что творится. Уверен, он не отказался бы сюда их перевезти. Да и жена моя за свою сестру и племянников беспокоится. Дом у нас большой, места всем хватит. С продуктами какое-то время проблем не будет. А там, глядишь, что-то да прояснится. Не может быть, чтобы наверху ничего не предприняли.

– Ты действительно веришь, что наверху что-то могут решить? Не прими за оскорбление, Юрий Петрович, но ты будто первый день во власти.

– Это я для самоуспокоения, заниматься которым нельзя, как ты заметил только что, – отозвался нейтральным тоном Артемьев.

«Обиделся всё же», – подумал Савельев, а вслух добавил:

– Извини, Юрий Петрович. Не принимай близко к сердцу. От переживаний сорвался. А твои мысли по поводу свояка любопытные. Хотя вполне может статься, что он как раз принял сторону этих чёртовых белоленточников, отчего-то вдруг объявивших себя Объединённой Оппозицией.

– Уверен, что нет. Свояк – служака. Как там у Лермонтова? «Слуга царю, отец солдатам». Этот на сторону бунтарей никогда не перейдёт.

– Если он такой принципиальный, то не приходится рассчитывать, что пойдёт на кражу, а это именно кража, давай называть вещи своими именами.

– В другое время, Андрей Николаевич, я бы с тобой согласился. Но в том и дело, что время сейчас такое, даже в армии разброд начался, а это очень тревожный факт. Похоже, склады вот-вот вскроют и начнут вооружаться до зубов. Причём работать каждый будет на опережение. Кто там станет разбирать, куда делся десяток стволов. Я всё пытаюсь дозвониться до свояка, узнать, пойдёт ли он на моё предложение. Но связи вообще никакой нет. Даже спутниковая не берёт. Живём как при царе Горохе, – с досадой закончил Артемьев.

– Забыл, Юрий Петрович, благословенные времена детства нашего, когда никакой сотовой и спутниковой связи не было, а стационарный телефонный автомат один на целый квартал, да и тот сломан? – улыбнулся Савельев.

– Да-а! Туда бы сейчас вернуться и остаться навсегда, –

вздохнул собеседник.

Андрей Николаевич продолжил:

– Что ж, выноси вопрос на Правление. Думаю, тебя поддержат. Во всяком случае, я точно проголосую «за».

На внеочередном собрании Правления товарищества этот вопрос обсуждали вне рамок протокола. Собственно и собрались только для этого. Но по въевшейся чиновничьей привычке составили формальный документ, куда занесли якобы обсуждавшиеся несколько текущих вопросов, относящихся к хозяйственной деятельности товарищества.

Устно же решили: надо попробовать.

Для этого на внедорожниках Савельева и Артемьева в сопровождении ещё четверых мужчин в качестве пассажиров, имевших охотничьи ружья, отправились к тем самым складам Минобороны, расположенных в окрестностях Красноярска, где служил свояк Юрия Петровича.

По объездным дорогам предстояло проехать порядка ста километров в одну сторону, что для внедорожников сущий пустяк. Но приходилось учитывать весьма вероятные препятствия в виде засад всяких банд, бесчинствующих не только в городе, но и на дорогах, тормозящих всех и каждого в расчёте на поживу, а то и вовсе отобрать машину и вся недолга. Хорошо, если владельца живым отпустят. Но чаще попросту убивали и бросали тело у дороги в траве, канаве или лесочке. Эти мерзавцы никого уже не опасались. При-

шло их время…

* * *

Внедорожники незаметно пожирали километры неровной асфальтированной дороги, покрытой густой сетью больших и малых трещин. За окнами плыли заброшенные, никем не обрабатываемые поля, рощицы, мелькали опоры ЛЭП, тянулись тяжело провисшие провода, электроэнергия по которым пока ещё поступала, но уже с частыми перебоями.

С чистого без единого облачка голубого неба припекало солнышко. Даже не верилось, что рядом, в городе в это самое время бесчинствуют всякие молодчики; улицы опустели, повсюду пыль, мусор, сгоревшие машины, разбитые витрины; переполненные страхом обыватели заперлись в своих ненадёжных убежищах… А здесь – благодать, будто и в самом деле ничего ужасного со страной и людьми не происходит.

Савельев немного опустил боковые стёкла. Он не любил «климат-контроль» летом, предпочитая естественную вентиляцию салона.

Дорога была пустой, поэтому у Андрея Николаевича имелась возможность посматривать по сторонам. Он с лёгкой грустью вспоминал молодость, когда купил первую свою машину – подержанную праворукую «японку». Как он гордился ею! Появилась возможность часто выбираться за город, где нет плотного движения, пробок, светофоров и перегру-

женных перекрёстков. Где можно прокатиться с ветерком, отдохнуть от городской суеты, шума, загазованности.

Конечно, его тогдашняя машина не шла ни в какое сравнение с нынешней. Но зато он был молод, полон энергии и желания разбогатеть, сделать свою жизнь комфортной и обеспеченной. Он достиг желаемого, но расплатился за это годами почти лизоблюдства, когда поднимался по карьерной лестнице. Ничего. Стерпел, не умер. Теперь уже вокруг него крутятся молодые и амбициозные, готовые почти на всё ради карьеры. И он их не презирает, потому что всё помнит…

Оба внедорожника, идущие друг за другом, въехали в лесной массив. Сузившаяся дорога запетляла среди высоких корабельных сосен, а в салон вместе с ветерком ворвался запах хвойного леса. Захотелось остановиться, заглушить двигатель, распахнуть дверь и расслабиться, наслаждаться щебетом птиц, слушать перестуки дятла, дышать этим воздухом, забыть про всё, выкинуть прочь тревоги.

Проклятая реальность напомнила о себе за очередным поворотом, когда пришлось сбросить и без того небольшую скорость, чтобы вписаться в крутой дорожный изгиб. Из-за деревьев показались три новеньких чёрных джипа, стоящих друг за другом на правой обочине. Четвёртый чёрный внедорожник перегораживал узкую в этом месте дорогу. Возле машин стояли хмурые типы, вооружённые охотничьими ружьями, помповиками и даже одним автоматом Калашникова. При их виде у Савельева сразу появилось стойкое убеж-

дение, что эти дорогие машины не куплены нынешним хозяевами, а отобраны силой у прежних владельцев. Что с ними сталось, Андрей Николаевич додумать не успел. Он плавно нажал на педаль тормоза. Мастодонт послушно замер, едва слышно рокоча мощным двигателем. Одновременно с остановкой двое пассажиров вскинулись, схватившись крепче за свои ружья.

– Приехали… – мрачно произнёс один.

В зеркала заднего вида Савельев увидел, как за остановившимся джипом Артемьева двое шустрых мужиков вручную раскатывают поперёк дороги «ежа» – специальную стальную полосу с шипами для прокалывания шин.

Теперь ни назад, ни вперёд…

Решение пришло сразу. У него так и бывало в ситуациях, когда требовалось думать быстро, просчитывая все последствия.

Андрей Николаевич отпустил тормоз и вдавил педаль акселератора, одновременно выворачивая руль влево, чтобы попытаться проскочить по узкой полосе обочины.

Мастодонт взревел и прыгнул вперёд, обдирая левый борт о стволы деревьев. Бандиты, уверенные, что хозяин не станет портить машину, не ожидали такого финта и оторопело застыли на месте. А сидящий справа от Савельева пассажир выстрелил из ружья в проём опущенного бокового стекла, целясь в переднее колесо одного из джипов, стоящих на обочине. Следом бахнуло ружьё второго пассажира.

От неожиданного грохота Савельев дёрнулся всем телом, непроизвольно до конца вдавливая педаль акселератора. Мастодонт с треском снёс несколько нетолстых сосенок, прыгая по ухабам, объехал перегораживающий дорогу джип, выскочил на трассу и понёсся с ускорением.

Дорога снова стала свободной!

В этот момент передний пассажир, высунувшись в окно, выстрелил опять, уже наугад по оставшимся позади дорожным разбойникам.

– Чёрт!!! – заорал испуганный и оглушённый Савельев.

По зеркалам он видел, как машина Артемьева рванулась следом, сбила двоих бандитов и прокатилась по ним широкими колёсами, тоже съезжая на обочину, пытаясь повторить манёвр. Но длинная автоматная очередь, пущенная вдогонку, пробила салон и лобовое стекло навылет. Внедорожник резко вильнул и врезался в дерево…

Большего по зеркалам разглядеть не удалось. Дорога изогнулась в новый поворот, мастодонт с заносом вписался в него, оставив попутчиков на произвол судьбы.

Стиснув зубы, Андрей Николаевич подумал о том, что отставшим мало не покажется. Хорошо, если автоматной очередью убило сразу всех троих…

Передний пассажир матерился как завзятый сапожник, что совсем не вязалось с его солидным обликом. Тогда как второй мужчина на заднем сиденье молчал, будто немой. Все трое находились в состоянии крайнего нервного возбужде-

ния, ожидая неизбежной погони. Но, кажется, им удалось оторваться.

В сознании Савельева сумасшедшим калейдоскопом мелькали недавние образы прорыва. Какие-то странные ощущения донимали его, но из-за стрессовой ситуации он не мог сосредоточиться на этом.

Километров через десять от места засады, убедившись, что погони нет, собравшись с мыслями, он понял, чему именно так поразился. Среди бандитов находился один из братьев – Фёдор. Ошибки быть не могло.

«Что и следовало от него ожидать, – с большой досадой подумал Андрей Николаевич. – Как ни прикидывался овечкой, а истинная натура всё равно вылезла».

Савельев остановил машину и обратился к своим спутникам:

– Влип Юрий Петрович с остальными. Убили их, судя по всему, – сказал он и удивился, как обыденно это прозвучало. Будто каждый день приходилось попадать в засады и терять людей.

– Теперь смысл нашей поездки утрачен полностью, – заметил молчавший до сих пор пассажир на заднем сиденье.

– Я тоже так считаю, – согласился Савельев. – Придётся возвращаться ни с чем. Хоть я и знаю дорогу до этой базы, но без Артемьева искать кого-то бесполезно. Да если и найдём, он с нами разговаривать не станет. Даже не представляю, как теперь сообщить родственникам о случившемся, – вздохнул

он, трогая джип с места.

– Надеюсь, возвращаться будем по другой дороге? – высказал общую мысль передний пассажир.

Никто ему не ответил. Это и так было очевидно.

* * *

На обратном пути Андрей Николаевич думал о Фёдоре. Вспоминал своё и его детство, юность, зрелый возраст и недавнее время, когда отчуждение между ними – наполовину родными братьями, усилилось. Этому в немалой степени способствовал сам Фёдор, завидуя карьерному успеху Андрея.

Бывает так, что среди близких людей пробегает чёрная кошка, навсегда разделяя их и даже делая врагами.

Рождённые от разных отцов одной матерью, они всегда и во всём были соперниками, часто ссорились и дрались по любому пустяку.

Отец Андрея Николаевича трагически погиб – разбился на машине ещё в семьдесят восьмом году, когда младшему Савельеву едва стукнуло пара годиков. Поэтому он не помнил своего родителя. А фотографий мать не сохранила.

Повзрослевшему Андрею удалось выяснить, что против фотографий другого мужчины в доме был второй муж матери, его отчим и отец Фёдора, давший ему свою фамилию – Трошин и отчество – Павлович.

Его маленький Андрей тоже не помнил. Тот ушёл из семьи в восемьдесят первом году, через год после рождения Феди, оставив жену с двумя карапузами на руках.

Фёдор рос завистливым и каким-то озлобленным, импульсивным, вспыльчивым, обидчивым. В зрелом возрасте он стал чем-то напоминать этакий гриб-боровичок: лицо округлое, упитанное, сам плотный, кругловатый, энергичный, ростом под метр семьдесят пять. Волосяной покров слабый, поэтому голову брил «под ноль». Когда женился, то почти сразу в своей семье стал тираном, да ещё был не дурак выпить и гульнуть на стороне.

Держал Фёдор свой небольшой бизнес, занимался поставкой разной мелочёвки для начинающих строительных фирм, мечтая выйти на уровень вагонных поставок для крупных компаний. О чём неоднократно разговаривал со старшим братом, просил познакомить с серьёзными людьми, ворочающими миллионами долларов.

Но Андрей Николаевич, зная о ненадёжности брата, всякий раз уходил от его просьб, хотя и мог реально помочь, так как действительно был накоротке со многими бизнесменами. Да и те, чтобы поддержать добрые отношения с большим краевым чиновником, запросто приняли бы в свой круг его родственника.

Своими отказами он крайне раздражал Фёдора. Тот считал, что старший брат зазнался, задрал нос на своём высоком посту. Положа руку на сердце, Андрей Николаевич призна-

вал, что это не так уж далеко от истины. Но не снобизм был тому причиной. Просто положение обязывало надеть такую маску, и снималась она лишь в необходимых случаях при непосредственном контакте с народом.

Не любил Фёдор и младшего брата – Ивана. Не просто не любил, вообще терпеть не мог. Если с Андреем ещё как-то пытался строить отношения из корыстных соображений, то Ваньку, как хронического уголовника – именно так Федька называл младшего брата – не переносил на дух.

Да и то сказать, Иван действительно с малолетства пошёл по стопам непутёвого родителя. Тот был идейным сидельцем, бóльшую часть жизни провёл по зонам – от общего режима до «крытого», как его называют сами «жулики», а на официальном языке такой режим именуется тюрьмой[1].

Он недолго сожительствовал с матерью двух маленьких сыновей, считавшей, что пусть хоть такой мужик будет. А то какому нормальному мужику, не приживальщику, она нужна с двумя-то «спиногрызами»?

Но и этот получил очередную судимость за очередную кражу и надолго поехал «в командировку».

Иван родился в восемьдесят втором году, уже без своего непутёвого папаши, который из зоны ни строчки не написал своей бывшей сожительнице. А она слала ему длинные письма, изливая на тетрадные листки тяжёлую долю одинокой ба-

---

[1] Не путать с СИЗО – следственными изоляторами. Официально на 2010 г. в РФ функционировало семь тюрем (прим. автора).

бы, едва тащившей на себе трёх малолетних детей, кое-как обувая и одевая их, кормя, чем придётся.

Никитин Иван Петрович унаследовал от своего папаши фамилию и отчество. Да в довесок несчастливую судьбу: первый раз он сел в пятнадцать лет за то, что с друзьями ограбил павильон. Собственно, Ванька и не грабил. Так, в сторонке стоял, пока другие, пользуясь темнотой, безлюдьем и беспомощностью молодой, напуганной до смерти продавщицы, дербанили содержимое железного киоска. Но срок получил вместе со всеми, хоть и поменьше организаторов преступления – четыре года.

Три года чалился на «малолетке», а как исполнилось восемнадцать, был этапирован на «взросляк», где досидел оставшийся по приговору год. Освободился «звонком», то есть, отбыл весь срок до конца.

Вернулся домой, решил начать честную жизнь, тем более что сел по глупости. За время отбывания наказания о многом передумал и понял, что не хочет идти по стопам непутёвого родителя. Да и мать на редких свиданках переживала, плакала, говорила, что Иван весь в своего папашу пошёл.

Второй раз Иван сел в двадцать четыре года. Сел опять по глупости – за хранение угнанного авто. Подставили старые кореша, попросившие подержать временно в его гараже автомобиль, клятвенно заверив Ивана, что тачка «чистая». Не хотел этого Ванька, чувствовал, темнят дружки, и всё же не смог отказать. Арестовали его через несколько дней после

этого. И закрутилось всё по-новой… Дружки пошли в отказ: мол, знать ничего не знаем. Пришлось Ивану отвечать за их подлость и собственную глупость. Опять схлопотал четыре года общего режима.

Со своей будущей супругой Еленой он познакомился по переписке, как с «заочницей». Дело дошло до того, что она начала приезжать к нему на краткосрочные свидания, а потом, когда расписались в зоне, два раза приезжала на длительные.

Елена выглядела «серой мышкой», по характеру была очень доброй и отзывчивой. Жена и мать из неё получилась хорошая. Она верно ждала мужа, слала ему передачи и письма. Ожидая освобождения супруга, одна воспитывала сына Ромку от первого неудачного брака. Рождённая от Ивана дочь Вика появилась на свет уже после освобождения отца.

На зоне парень твёрдо решил «завязать», освоил профессию каменщика. Вернулся молчаливым, прежде чем что-то сказать, тщательно обдумывал, что говорить и как. Эта привычка появилась в неволе, где за каждое слово спрос серьёзный.

Устроился на стройку по приобретённой специальности и зажил честной жизнью, хотя кореша по-прежнему не давали покоя. Как с гуся вода с них: будто и не подставляли, не подличали. При этом всякий раз с особой значимостью вспоминали о том, что слали «дачки» другану.

Иван действительно их получал и это очень помогало в

неволе. Поэтому, хоть и держал на дружков смертельную обиду, не разрывал отношения совсем. Так уж он был устроен – весь из противоречий.

О таких говорят – классический неудачник. По глупости испортил себе жизнь в самом начале. Здоровья немало потерял за годы отсидки. Сухопарый, ростом метр семьдесят шесть, по привычке коротко стриженый, зеленоглазый, лицо аскетичное со слегка ввалившимися щеками из-за плохого питания и тяжёлой жизни на зоне. По характеру спокойный, не завистливый, не злобивый. За свои неудачи винил только себя.

Свою жену и детей Иван любил. В целом всё у него неплохо шло в последнее время, вот только жизнь бедной была, хоть и работал каменщиком. Работодатель прижимистый оказался, платил мало. А с двумя судимостями никуда особо не брали. Приходилось терпеть.

Пока Ванька сидел, жене без постоянного жилья очень тяжко приходилось. Андрей Николаевич ей помогал. Он хорошо относился к младшему брату и его жене. Видел, что порядочные люди они, да только жизнь об них ноги вытирала…

Так и жили три брата со своими проблемами и непростыми взаимоотношениями. Виделись нечасто. Семьями почти никогда не встречались, посиделок не устраивали. Разве что Андрей приглашал иногда Ивана с домочадцами в гости. Фёдора с семьёй тоже звал. Хотелось ему сплотить пусть и не

родных по крови, но всё же братьев.

Иван и Елена приезжали несколько раз, потом стали стесняться шикарного загородного коттеджа, чем очень расстраивали старшего брата и его жену.

Фёдор с семьёй тоже не был частым гостем. Приезжал только если что-то хотел получить от Андрея. И всегда прежде узнавал, не собирается ли в гости младший брательник.

Их мать Мария Евгеньевна оставила фамилию второго мужа – Трошина, чем Федька очень гордился. Жила одна, не пытаясь никому из сыновей навязываться, как она считала. Внуков и внучек видит – и слава Богу.

После того как посадили отца Ивана, у неё ещё были мужчины, но надолго никто не задерживался, не желая брать на себя «довесок» из троих детей. Поэтому семейная жизнь у неё не сложилась. В свои шестьдесят лет женщина давно уже стала замкнутой, в общении тяжёлой, но незлобивой. Детей любила и переживала, что отношения между ними, мягко говоря, прохладные.

Мысли Андрея Николаевича прервали размеренное течение, напомнили о нынешних проблемах, враз вытеснили все воспоминания.

Он понятия не имел, где сейчас Иван с семьёй. Где мать, тоже не известно, но он очень надеялся, что в своей квартире. Никто из них не захотел переехать в загородный коттедж.

Ну, а с Фёдором всё ясно. Жаль только семью его. Им-то

за что такое наказание?

Фёдор

Когда Трошин увидел машину старшего брата, показавшуюся из-за деревьев на пустой лесной дороге, то поначалу испугался – брат же! Как можно его ограбить и, скорее всего, убить? Ведь именно так прежде поступали со многими, кого удалось остановить в подходящем местечке и забрать всё ценное вместе с машиной, если она представляла какой-то интерес.

Правда, сам Фёдор ещё не убивал никого, всегда находились другие, выставлявшие это напоказ, бравировавшие своей способностью лишить жизни человека. Они и положение в недавно организованной «бригаде» занимали соответствующее по сравнению с теми, кто просто числился в новичках, ещё не совершив ни одного налёта, слушая рассказы и поучения имевших такой опыт.

Однако внезапный испуг Трошина сразу же сменился злорадством и желанием посмотреть, как этот зазнавшийся, забронзовевший чиновник выпутается из создавшегося положения. Нет, его смерти Фёдору не хотелось. Как-то не вязалось – смерть и брат, пусть и родной лишь наполовину.

Ему хотелось подойти этак небрежно, посмотреть в глаза братану, заглянуть в самую душу и увидеть там страх за свою жизнь, за дорогую машину, за привычное благополучие. С

усмешкой понаблюдать за тем, как с надменного лица сползает маска уверенности и почти непогрешимости от понимания безвыходности ситуации.

За всё в этой жизни надо платить. Его старший братишка явно считал, что ухватил за бороду самого господа и теперь сам чёрт ему не брат. А тут вон оно как обернулось-то всё. Оказывается, не такой уж он непогрешимый и недоступный для простых смертных, оказывается, и у него жизнь всего одна, и надо выбирать как в той присказке – «жизнь или кошелёк».

И только теперь Фёдор осознал в полной мере – а ведь действительно, его брата могут убить у него на глазах! Он опять почувствовал страх и снова избавился от него, закрывшись спасительным – а не хрен на чужом горбу пытаться в рай въехать! За всё надо держать ответ. Вот так-то, братец.

Когда внедорожник совершил резкий и неожиданный манёвр, Фёдор едва успел выскочить из-под колёс, в этот раз уже осатанев от злости. Ему захотелось немедленно поквитаться с брательником за всё, что накипело к нему за всю жизнь. В этот момент он остро сожалел, что ни одна из стоящих на дороге машин не принадлежит ему: не тот у него пока статус в «бригаде». В противном случае он ринулся бы вдогонку…

Его снова едва не подмял под колёса второй джип. И опять Трошин чудом сумел вывернуться, тогда как двоим другим не повезло. Их короткие, наполненные болью вопли пере-

крыла автоматная очередь, изгваздавшая салон внедорожника, врезавшегося в дерево. Машину сразу окружили, кто-то рванул дверцу со стороны водителя, но открыть не получилось – заблокировано. Тут же последовал удар прикладом в стекло. Оно высыпалось, дверь распахнули, выволокли из салона окровавленного, тяжелораненого водителя, а затем и двух не пострадавших пассажиров, даже не пытавшихся оказывать сопротивления, хоть и были они с ружьями. Всех троих затоптали, забили насмерть прикладами…

Фёдор оставался лишь сторонним наблюдателем за происходящим и почти впал в ступор, глядя на расправу. Он недавно попал в «бригаду», ему удалось поучаствовать всего в нескольких нападениях, когда у водителей забирали имевшиеся деньги и что-либо ценное. А иной раз и не брали ничего, потому что ничего не было, и машины не трогали, как не представляющие интереса. Таких владельцев не убивали и даже не били, отпускали вместе с драндулетами – дескать, свой брат, из народа. Похохатывая глумливо, похлопывали покровительственно и снисходительно по плечам и спине. Езжай, мол, и будь осторожнее, а то на дорогах неспокойно стало.

Раздавленных колёсами джипа, но ещё живых, испытывающих невыносимые муки, застрелили. Потом «бригадир» толкнул короткую речь, смысл которой сводился к простому: ежели и меня так раздавит или ранят тяжело, то и меня добейте. Вот такой я «свой парень».

Весь этот дешёвый фарс был очень не по душе Трошину. И если бы не реальная смерть нескольких человек, то он в лицо рассмеялся бы этому позёру, пытающемуся стать чуть ли не отцом-командиром.

Фёдор и попал-то сюда через знакомого только из желания обрести какое-то понимание, что делать дальше, как жить в этом беспределе, как защитить себя и свою семью. В глубине души ему хотелось самому возглавить свою «бригаду», стать хозяином положения. Он знал, что у него получится. Управлять людьми он умеет: опыт ведения собственного бизнеса показал это. Другое дело, что возможностей развернуться не было – старший братец помогать не желал, хотя мог.

После столь неудачной засады «бригада» направилась в город. Машину с простреленными стёклами вместе с телами убитых оставили в лесу.

Стремительно едущие чёрные внедорожники окраина Красноярска встретила пустыми, замусоренными улицами со сгоревшими, одиноко стоящими автомобилями, и разбитыми витринами давно разграбленных магазинов; мрачной, гнетущей тишиной и ощущением опасности.

Вечерело.

Трошин смотрел из салона на опустевшие улицы. Если днём народ ещё сновал по каким-то делам, либо собирался на очередной из бесчисленных митинг, чтобы поорать или послушать, как и что орут другие, то вечерами и ночами

практически без освещения улиц город будто вымирал. Комендантского часа не объявляли, но и без этого особо никто не рвался на тёмные, полные опасности улицы, где редко встретишь стражей порядка.

Не горел свет и в квартирах, перебои с электроэнергией случались всё чаще и длились всё дольше, а когда она на короткое время вдруг появлялась, многие жильцы опасались освещать свои ненадёжные убежища: свет мог привлечь желающих поживиться чужим добром.

Словно в подтверждение своих мыслей Фёдор вдруг увидел бегущего по улице человека. Он явно был напуган и убегал от кого-то. Вдруг бахнули несколько одиночных выстрелов. Человек будто запнулся и упал со всего маху лицом вниз. Большего разглядеть не удалось, машины пронеслись дальше.

– Во, беспредельничает народ, – ухмыльнулся «бригадир».

Остальные хмуро улыбнулись на шутку.

Через некоторое время Трошин попросил, чтобы его высадили в нужном ему месте.

«Бригадир» сказал:

– Завтра как всегда, без опозданий.

– Само собой, – заверил его Фёдор, собираясь покинуть салон.

Но старший задержал его словами:

– Постой. Ты когда собираешься своих перевезти на базу?

– Ну, если уже разрешаешь, то завтра и перевезу. Заставил поволноваться за семью, пока решал по мне.

– Присматривался, – внушительно ответил «бригадир». – Теперь вижу, будет толк с тебя. Вот и говорю: перевози своих. Все так сделали. Это гораздо безопаснее, чем поодиночке выживать.

– Кто бы спорил, – усмехнулся Фёдор. – Ладно, я пошёл.

– Утром машину пришлю за вами. Соберите всё необходимое, лишнего не тащите. И будь осторожнее сейчас. Ствол, что я тебе дал, в порядке?

– Конечно, – ответил Трошин, похлопав по наплечной кобуре, надетой поверх светлой рубахи. – Вот же он, разве не видишь?

– Видеть, это одно, а быть уверенным – другое, – поучительно заметил «бригадир».

Фёдор с готовностью кивнул, думая совсем не так лояльно:

«Умник хренов. Строит из себя заботливого отца-командира. А сам как был мелким уголовником, так им и остался. Прям, как братец мой, Ванька. Я, таких как вы, на одном предмете вертел».

И всё же приходилось признать, что «бригадир» дальновидно поступил, собрав семьи своих «быков» в одном месте. Умно. Этого у него не отнять, хоть и никчемный уголовник, имеющий в активе пару отсидок по несерьёзным статьям. Сумел сплотить вокруг себя таких же, да бывших спортсме-

нов, по той или иной причине оказавшихся на зоне, а потом оставшихся не у дел. А тут как раз и времечко подходящее подоспело. «Бугор» подмял под себя небольшой профилакторий, занял опустевшее здание, «застолбил» участок и пытался собирать дань с него. Да только особо поживиться оказалось нечем: торговые точки давно закрылись, а на другие «хлебные» места его не пускали более сильные конкуренты, вот и приходилось промышлять на дорогах, надеясь на удачу, да на глупцов, ещё рискующих ездить в такое время.

Машины уехали, Трошин остался один на темнеющей пустой улице, окружённой мрачными силуэтами панельных пятиэтажек с чёрными, слепыми окнами. Сразу появилась неуверенность и незащищённость. Тем не менее, Фёдор думал о том, что вся эта шайка-лейка ему в тягость. Не ощущалось истинного единения с ними. А самое главное – его абсолютно не устраивал статус рядового «быка» в «бригаде». Он считал себя выше, умнее и способнее всей этой оборзевшей шелупени, по локоть окунувшей руки в невинную кровь.

Без крови, конечно, никак, если хочешь добиться власти и положения, особенно сейчас, когда всё определяют сила, решительность и умение подавить других. Но с умом надо к такому подходить. Зачем валить людей направо и налево? Чужой страх, безусловно, работает на авторитет главаря, но на одном страхе далеко не уедешь. Должна быть уважуха, тогда вожак станет не просто «отмороженным» главарём, а настоящим лидером, за которым пойдут тысячи, сотни тысяч,

миллионы…

Фёдор хмыкнул: эк его понесло. Наполеоновские планы. Хотя, как известно, императором тот не родился, и время похожее было на нынешнее. Так что…

Трошин опять усмехнулся своим мыслям. Расстегнул кобуру, вытащил пистолет «ТТ» ненадёжной китайской штамповки – но хоть такой, чем совсем никакого – передёрнул затвор, сунул обратно, не застёгивая кобуру. Он всегда так делал, когда оставался один, когда нападение могло произойти в любой момент. До сих пор не случалось ничего такого, но, как говорится, бережёного Бог бережёт.

До дома рукой подать, вон она, невзрачная пятиэтажка среди других похожих стоит. В двухкомнатной квартире-хрущёвке на третьем этаже ждёт жена Светлана с их десятилетней дочерью Алёнкой. Не очень хотелось Фёдору идти туда. Нет, не гнал его никто, даже наоборот, но и со своими домочадцами душа покоя не находила. А сейчас, когда элементарных удобств почти нет, так и вовсе идти не хочется.

Завтра он перевезёт их на базу, там дизельный генератор есть, «бугор» как-то решает вопросы с топливом для него и для машин. А со светом-то оно куда лучше и веселее, да и безопаснее среди своих. Хоть они для Фёдора совсем не свои. Однако ж выбирать не из чего. В одиночку им очень непросто придётся.

Семья будет под приглядом, а он опять к Наташке зайдёт, хоть и не ждёт она его, в отличие от жены, а наоборот – про-

гоняет. Но тянется к ней душа, что за зараза такая, эта баба!

Никому Трошин не признавался, что основной причиной его ненависти к младшему брату являлась неразделённая страсть к Наталье. Она бегала за Иваном ещё до его первой отсидки.

Девушка была ровесницей Фёдора и старше Ивана на целых три года. Ванька сопляк поначалу стеснялся этой разницы, но потом ничего, освоился, стал отвечать хорошенькой девушке взаимностью. Чем уж он ей понравился, оставалось загадкой, всё же разница для юного возраста приличная, тем более что Наташка старше была, а такое не часто встречается, обычно наоборот.

Никто во дворе не знал, было между ними что, не было, но ходили непонятно откуда появлявшиеся слухи, чем очень раздражали Фёдора.

К нему девушка равнодушной оставалась, что просто бесило, но виду он не подавал: не хватало ещё, чтобы Ванька догадался и почувствовал превосходство.

Потом, когда братец сел в первый раз, Наталья вышла замуж и родила дочь Ксению.

Так оно всё и закончилось бы, да вот сердцу не прикажешь, недаром говорят. Уже и женился Фёдор, тоже дочкой обзавёлся, а всё успокоиться никак не мог. Особенно взыграло, когда узнал, что Наталья развелась с мужем и опять живёт одна с семнадцатилетней дочерью.

Начал снова захаживать к ней под косые взгляды юной

Ксении, так похожей на мать в пору её цветущего девичества, что у Фёдора аж сердце щемило.

И так он, и этак к Наталье, помощь обещал, любовь свою предлагал до гроба, и говорил искренне, потому что так оно и было…

Всё бестолку!

Трошин нехотя шёл в направлении своего дома, поглядывая по сторонам на всякий случай, готовый ко всему. Уже решил, что дойдёт без приключений, как вдруг услышал слабый женский вскрик.

«Опять не повезло кому-то. Бабам, если одни живут, без защиты хреново приходится», – подумал Фёдор о Наталье и её дочери.

Новый вскрик раздался уже совсем рядом – из-за угла дома.

Трошин остановился, прижался спиной к стене и достал пистолет, держа его в опущенной руке.

Справа, из-за того самого угла выбежала очень испуганная молодая женщина. Увидела Фёдора и завизжала совсем отчаянно, метнулась назад, но отпрянула из-за выскочивших на неё четверых парней.

– Мужик, пошёл нахер! – бросил небрежно один, самый здоровый из всех.

Фёдор поднял руку и выстрелил ему прямо в лицо.

Грохнувший выстрел вогнал налётчиков в ступор. Даже женщина больше не подавала ни звука. Все они в страхе

смотрели на тело, упавшее навзничь, слабо дёргающееся в агонии.

– Кому ещё «маслину»? – спросил Трошин спокойно.

Он вдруг на деле почувствовал то самое превосходство, что постоянно лелеял в мыслях, представляя себя именно таким, как сейчас. Нет, не защитником слабых и беспомощных, а их властителем. Он неоднократно воображал, как повёл бы себя, что сказал. Имелись даже специально заготовленные и много раз проговорённые фразы, чтобы в нужный момент не подыскивать слова, а говорить спокойно, уверенно, с лёгким презрением. Поэтому сейчас всё получалось само собой. Он и выстрелил-то механически, потому что часто представлял, как делает это.

Одновременно до Фёдора начало доходить, что он только что убил человека. Накатила волна страха, но усилием воли удалось подавить её и не показать внезапную неуверенность.

– Не надо… – жалобно произнёс один из парней, замерев опасливо.

Трошин усмехнулся сурово, скупо, с превосходством, как и хотел. И обратился к женщине:

– Чего шляешься в такое время? Приключений на свою задницу ищешь?

Но та молчала. Всё её внимание сосредоточилось на умирающем, в чём она вряд ли отдавала себе отчёт.

– Иди домой.

– А?

– Иди домой.

Ещё раз повторять не пришлось. Женщина убежала, часто стуча по асфальту невысокими каблуками.

– Ну что, граждане насильники, – насмешливо произнёс Фёдор, старательно гоня мысли об убитом им человеке. – Продолжим?

– Не стреляйте, – опять дрогнувшим голосом попросил тот же парень.

– Бабы не дают, так решили маньяками заделаться, да?

– Не! Мы просто хотели забрать у неё деньги, ещё что-нибудь, если есть. Она тут недалеко полы моет, ей даже платят раз в неделю, что по нынешним временам…

– Откуда у поломойки деньги, кто сейчас за такое платить будет? Ты чё, совсем тупой? – перебил его Трошин.

Неудавшийся налётчик кивнул в сторону убитого:

– Витёк говорил, он знает… Знал… – растерянно поправился парень. – Вот мы и решились.

И вдруг Фёдор сказал то, о чём не собирался говорить, но это случилось как бы само собой, ведь эту мысль он нянчил тоже давно:

– Пойдёте под меня?

Троица грабителей молчала напряжённо.

– А чё делать предлагаете? – не выдержал томительной паузы самый разговорчивый.

– Да почти то же самое, только по-крупному, а не шакалить вот так по мелочёвке. Тогда и деньги будут, и уважуха,

и всё к этому прилагающееся.

– Ну… мы согласны.

– Ты у них за старшего?

– Не. Витёк был, – парень опять кивнул в сторону убитого. – А стволы где взять?

– Ишь ты! Стволы! – всё с тем же превосходством усмехнулся Фёдор.

Для него самого этот вопрос был неразрешимым. Хотя, если уж собирать свою «бригаду», то зачем ему прежняя кодла? Тем более что он не хотел в ней оставаться. Вот и случай подходящий. Завтра за ним приедут. Это шанс. Если решиться и всё по уму сделать, то минимум два ствола ещё появятся, и тачка крутая в придачу. Только «бугор» наверняка «ответку» даст. Но, с другой стороны, как он узнает, кто мочканул его «быков»? А таких машин в городе ещё достаточно. Номер можно любой прикрутить, всё равно толком никакого контроля уже нет. Да можно вообще без номеров ездить. Нет, ерунда, «бугор» всё легко просчитает и захочет грохнуть его. Если только его самого завалить…

Все эти мысли промелькнули мгновенно. Им на смену пришло сомнение: а будет ли толк с этих молокососов? Может, сейчас обещают, а стоит только отвернуться, их и след простыл, как от той поломойки. Беззащитных баб грабить – ума и смелости много не надо. И совсем другое – настоящими делами заниматься.

– Положим, стволы будут, – уверенно и насмешливо про-

изнёс Трошин, удивляясь самому себе. – И что ты с ним сможешь?

– Будь у меня ствол, не стал бы я баб обирать, – буркнул парень.

– Что ж мешает раздобыть?

– А где взять-то? – опять пробурчал неудавшийся налётчик.

Фёдор с демонстративным превосходством смотрел на них. Посчитав, что достаточно выдержал паузу, произнёс:

– Я ж сказал, будут. Только сомнительно мне, что придёте вы завтра. А то и вообще, полицаев за собой притащите и сдадите меня с потрохами. Лучше я вас грохну, как ненужных свидетелей.

Парни шарахнулись от него.

– Стоять, сынки, – покровительственно произнёс Фёдор, всё же сознавая: этим парням ничто не мешает поступить именно так, как он только что сказал.

– Да придём мы, придём! – торопливо зачастил парень.

Судя по всему, он действительно был самый говорливый из троицы.

– Лады. Поверю. Завтра ровно в шесть утра быть здесь. Придёте, значит, вы в деле. Нет, так и будете шакалить по мелочи, пока не грохнут вас, как этого, – Фёдор повёл головой в сторону мёртвого. – Всё, свободны.

Парни неуверенно попятились, ожидая подвоха. Отойдя подальше, рванули прочь.

«Не придут, – уверенно подумал Трошин. – Им только беспомощных грабить, на большее не способны. А то, глядишь, и в самом деле полицаев притащат за собой. Я ведь человека убил. Хоть и бардак повсюду, а за такое «упакуют» надолго, плюс статья за оружие. Ладно, если завтра с утра придут, то рискну, – решил он. – Была, не была! Где наша не пропадала. Кто не рискует, тот не пьёт шампанского. Вроде, это Наполеон сказал».

Он сунул пистолет в кобуру и пошёл к своему дому, продолжая внимательно смотреть по сторонам.

Рассвело часа в четыре. Здания уже не казались такими мрачными и даже пугающими, как ночью.

Фёдор почти не спал, пребывая в крайне подавленном состоянии от осознания совершённого убийства, опасения быть арестованным. Сюда же примешивался страх перед задуманным. Здравый смысл говорил, что надо выбросить всякую дурь из головы и ехать на базу. От этой мысли становилось легче, потому что всё будет идти по накатанному, не нужно рисковать, а там его вряд ли кто найдёт, даже если станут специально искать за совершённое тяжкое преступление: ведь никого же не находят из тех его подельников, что не раз убивали владельцев машин.

Однако то самое упрямство, из-за которого Фёдор и имел столь вздорный характер, спорило со здравым смыслом и даже ехидничало: дескать, кишка тонка, так и будешь всю

жизнь на вторых ролях.

Наконец Трошин решил выйти пораньше, занять удобную позицию и наблюдать, придут эти молокососы или нет. И если придут, не притащат ли тайно на хвосте полицаев.

На улице, поёживаясь от утренней прохлады, он слушал тишину притаившегося города.

В мирное время по ночам мегаполис продолжал жить, чуть сбавляя дневной темп. Но сейчас не слышно и не видно проезжающих машин, ещё не ложившихся или уже проснувшихся по каким-то ранним делам людей.

Тишина. Запустение. Мусор. Пыль. Безнадёга.

Когда Фёдор увидел давешнюю троицу, то удивился этому и одновременно испытал усилившееся чувство тревоги.

Первым делом пришёдшие с опаской приблизились к месту ночной трагедии, убедившись, что труп их товарища так и лежит там, никуда не девшись… Быстрыми шагами, осматриваясь по сторонам, они ушли подальше, остановившись у автобусной остановки, не осознавая этого, будто общественный транспорт и в самом деле продолжал работать.

Трошин тем временем стал тщательно осматривать все закоулки, пытаясь найти притаившихся стражей порядка. Вроде всё нормально. И всё же не спешил выходить навстречу пришедшим. Когда же понял, что парни решили уходить, так и не дождавшись его, то незаметно пошёл следом, рассчитывая обнаружить полицейских, перед которыми парни отчитаются: не пришёл, мол.

Но никого не было.

Тогда Трошин рискнул.

Он также незаметно опередил троицу и неожиданно вышел навстречу, напугав всех.

Парни, как и давеча, опасливо замерли.

– Хорошо, что пришли, – нарушил молчание Фёдор. – Я последил за вами, чтобы убедиться, что всё чисто, полицейского хвоста за вами нет.

– Вы нас совсем-то за козлов не держите, – с нотками вызова отозвался всё тот же говорливый.

В его поведении так и чувствовалось: мы ведь уже напарники, чего ты с нами в кошки-мышки играешь.

– Доверяй, но проверяй, – нравоучительно заметил Трошин, продолжая изображать тёртого калача.

– Чё за тема-то? – деловито поинтересовался разговорчивый.

– Для начала надо бы познакомиться. Я – Трóха, – припомнил Фёдор старую школьную кличку. – Какие у вас погоняла?

Парни замялись.

– Нет у нас их. Мы по именам друг к другу обращаемся. Меня зовут Олег, – сказал разговорчивый. – Это – Костя, это – Слава.

– Понятно, – хмыкнул Трошин. – Как насчёт вчерашнего? Не обделались из-за трупака?

Парни напряжённо молчали.

Фёдор понял, что им, как и ему, очень непросто приходится. Странно, что они вообще пришли. Тут, скорее всего, взыграло самолюбие и пресловутое «не забоюсь».

– Ладно, давай разберёмся с этим сейчас, на берегу, как говорится, – сказал он и добавил, помолчав недолго: – Если решились прийти, то должны понимать, что убивать придётся часто. Не сдрейфите?

– Не сдрейфим, – опять за всех ответил Олег. – Только смотря кого валить и за что. Если простых людей грабить и при этом убивать, то мы против. Если буржуев, то можно, их не жалко.

Фёдор смотрел на него оценивающе. Судя по всему, неожиданный напарничек из лидеров. Непризнанный пока что. Надо с ним ухо востро держать. Это сейчас он молокосос. А завалит одного, двух – и всё, волчарой смотреть станет.

Когда Трошин говорил о необходимости частых убийств, то имел в виду устранение конкурентов, чтобы расширить и закрепить сферы влияния. Убивать «буржуев», как их обозвал новый напарник, он не собирался. Ему хотелось подмять их под себя, запугать, заставить считаться со своей персоной. А дальше… А дальше будет дальше.

Фёдора так и подмывало поинтересоваться: а что, богатые не люди, что ли? Но разводить полемику он не собирался.

– Сейчас мы все вместе прогуляемся недалеко и будем ждать. Укроетесь так, чтобы не отсвечивать, но видеть и слы-

шать меня хорошо и по первому сигналу сразу подбежать ко мне.

– А потом? – задал резонный вопрос Олег.

– Не беги впереди паровоза, – внушительно ответил Фёдор.

* * *

Трошин сидел на бордюре у дороги, бесконечно настраиваясь на предстоящее. За время недолгого ожидания он извёлся весь, беспокоясь, что из всей этой затеи получится и каким боком ему это вылезет.

«Я всё равно сделаю это, – упрямо думал он, непроизвольно поглаживая бритую на лысо голову. – И начну на себя работать. Пристяжь уже есть, нужно только повязать их кровью, чтобы не соскочили. Они молодые и борзые, особенно этот Олег. Такие вообще ничего не боятся по юности лет, из таких получаются либо беспредельщики либо толковые бандюги.

Потом ещё народишко подтянется, вот тогда и померяемся силушкой с «бугром». А может, раньше схлестнёмся. Только не в лобовую, а по-хитрому. Это у Суворова «пуля – дура, штык – молодец». А я буду придерживаться другого принципа: нет неожиданности – нет победы. Вот так…»

Когда из-за поворота стремительно вывернул знакомый чёрный внедорожник, сердце у Трошина бешено застучало,

он почувствовал, как горит лицо.

«Сейчас я это сделаю… Я смогу… У меня получится… Спокойно… Спокойно», – мысленно твердил он, вставая с бордюра.

Джип замер в двух шагах от него. Боковое стекло спряталось в дверь.

– Здорово, – поприветствовал дежурно водитель. – А чё один?

– Да… Тут такое дело… В общем, не поедут мои, – охрипшим вдруг голосом выдавил Фёдор, делая неимоверно трудные шаги к машине.

– Ну, смотри, дело…

Договорить он не успел.

Трошин выхватил из наплечной кобуры пистолет и выстрелил водителю в голову, взорвавшуюся красным, откинувшуюся неестественно. Брызги плеснули на лицо пассажиру, сидевшему рядом. От неожиданности тот ошалел, судорожно схватился за глаза, размазывая красную жижу ладонями, даже не пытаясь оказать сопротивления.

Вторая пуля угодила ему в нижнюю челюсть, разворотила её, пробила горло. Кровь толчками полилась несчастному на грудь, заливая светлую рубаху. Он дёргался всем телом, беспомощно хрипел, а выпученные, наполненные безумной мукой глаза уставились на нежданного убийцу.

Фёдор отступил на шаг, непроизвольно продолжая держать пистолет в вытянутой руке, потом будто очнулся и

свистнул, подзывая подельников.

Те быстро подбежали, громко топая. Опасливо встали поодаль.

– Сюда!!! Все трое!!! – истерично заорал Трошин.

Испуганные парни, вытаращив круглые глаза, неуверенно приблизились. Одного сразу стошнило, за ним согнулся в спазмах второй. И только Олег, бледный как покойник, держался.

– Вытаскивай их!!! – так же истерично крикнул Фёдор. – Вы тоже помогайте!!! Быстрее!!!

Эти вопли подстегнули парней. Они прыгнули к передним дверям, дернули, распахивая широко. Сморщились, стараясь не глядеть на труп со снесённой наполовину головой, и на раненого, потерявшего нижнюю часть лица. Выволокли их к колёсам.

– Стволы заберите! Один мне!

Только после этого Фёдор почувствовал себя спокойнее.

– Так! Теперь по очереди стреляете по одному разу в каждого!

Первым взялся стрелять Олег. Он навел пистолет вначале на мёртвого. Нажал на спусковой крючок, но выстрела не последовало.

– Баран! С предохранителя сними, затвор передёрни, – нервно поглядывая по сторонам, сказал Трошин. – Быстрее!

Повозившись, Олег, наконец, справился. Опять навёл оружие на убитого и выстрелил тому в грудь. Во второго с

развороченной челюстью он никак не решался выстрелить, пока Фёдор не наставил на него свой пистолет и с угрозой не произнёс:

– Через секунду ты труп.

Только тогда парень всадил пулю раненому в живот, хотя целился в сердце. Это только добавило мучений умирающему.

Затем настала очередь приятелей Олега. Те тоже сделали, что потребовал Трошин.

После чего он забрал пистолет и приказал всем залезать в машину.

Те залезли покорно, сторонясь кровавых потёков.

Когда подельники отъехали подальше, так никого и не встретив, Фёдор заглушил двигатель, мельком отметив, что топлива ещё не меньше половины бака, откинулся на спинку сиденья, прикрыл глаза.

В салоне повисла долгая тишина.

Наконец, её нарушил Олег.

– Кто это был? – тревожно спросил он.

Трошин ответил не сразу.

– Какая разница? Были. Теперь нет, – устало произнёс он, опять помолчал и добавил решительно: – А мы есть. И у нас есть колёса и три ствола.

– И что теперь? – настороженно поинтересовался парень.

– Теперь… – Фёдор хмыкнул. – Теперь нам надо держаться вместе. И замкнуть рты на десять замков.

– Это понятно…

– Ну, а раз понятно, то начинай уже сейчас молчать, – оборвал Трошин Олега.

Что делать *теперь*, Фёдор наверняка не представлял. У него было большое желание сколотить свою банду. Сколотил. *Теперь* нужно как-то деньжат срубить.

Настойчивая мысль, которую Трошин от себя гнал, как почти неосуществимую, всё же овладела им окончательно. Пока есть кураж, надо воспользоваться тем самым принципом: нет неожиданности – нет победы, и завалить «бугра» с самыми опасными «быками». Остальные стадом пойдут под нового хозяина.

Он запустил двигатель и сказал решительно:

– Едем. По дороге всё объясню. Ещё придётся пострелять сегодня. Так что настраивайтесь. Сделаем, – у каждого будет по такой тачке уже нынче, плюс бабки и хорошая возможность поднять ещё больше.

Отчего-то вдруг вспомнился младший брательник Ванька.

Фёдор с досадой поморщился: «Нет, я не такой как он – зек вонючий».

О том, что он сам менее чем за сутки совершил два неизмеримо более тяжких преступления, Трошину думать не хотелось. Он гнал от себя эти мысли, пытаясь настроиться на очень рискованное дело, выработать на ходу хоть какой-то план действий, объяснить его подельникам, и самое главное

– осуществить задуманное.

Иван

Иван, как и другие рабочие строительной фирмы, давно уже сидел без зарплаты. Да, собственно, и работы-то не было. Объект – многоэтажный жилой дом законсервировали до лучших времён, строителей распустили, пообещав рассчитаться, как только появятся деньги. Мужики покричали, повыступали, да с тем и разошлись, кроя матами власть, времена и вообще всю эту жизнь.

Первое время Иван с другими ещё ходил в главный офис в надежде – авось, сегодня дадут зарплату. Но денег всё не было, хотя директор приезжал на своём сверкающем полировкой джипе, куда-то беспрестанно звонил, небрежно держа у лица дорогую модель телефона, уезжал, опять приезжал. Сотрудники офиса что-то делали, тоже куда-то звонили, выполняли, в общем, свои обязанности.

Потом мужики приходили уже к закрытым дверям. Офисные телефоны отключены, информации никакой нет, даже обещаний уже никто не даёт.

Давно стало понятно, что с деньгами их кинули, но мужики с отчаянным упорством продолжали приходить. Правда, их становилось всё меньше, и стояли они уже не так долго. Постоят, перемоют в который уже раз косточки начальству, разойдутся.

Возвращался Иван домой, в съёмную однокомнатную квартиру-хрущёвку, мрачнее тучи: небольшие сбережения уже заканчивались, чем платить хозяину за жильё, не понятно, чем кормить семью и как вообще жить дальше, тоже не понятно. В его жизни бывали периоды несравнимо хуже, но тогда он отвечал только за себя и выживал только сам. Что делать теперь, когда на нём семья, Иван не знал. И это бессилие угнетало сильнее всего, вызывая раздражение, он сдерживал его, понимая, что жена и дети тут не при чём.

Однажды он пришёл к офису и не увидел никого из мужиков. Толкнул белую пластиковую дверь с запылённым стеклом, уже привычно ожидая, что та заперта. Однако дверь неожиданно подалась.

С застучавшим от волнения сердцем Иван вошёл в помещение, надеясь увидеть сотрудников, услышать голоса. Но там стояла тишина, электричества нет, и только благодаря большим окнам было вполне светло. Дверь в кабинет директора оказалась приоткрытой оттуда доносились шаги.

Иван направился туда, у двери остановился, прислушиваясь. Кто-то шуршал бумагами, изредка ходил, что-то бормоча.

Он зашёл без стука и увидел директора – плюгавенького мужика, имевшего, несмотря на свою невзрачную внешность, хватку бульдога: в былые времена его фирма процветала.

От неожиданности директор едва не шарахнулся.

– Вы кто? – спросил он напряжённо.

– Здравствуйте, Василий Николаевич. Я – Никитин, работал у вас каменщиком на четвёртом участке.

– А-а! Понятно, – директор почувствовал себя увереннее. – Вы что-то хотели? Кстати, что вы тут делаете? Компания временно не работает.

– Я знаю, Василий Николаевич. Мне б зарплату получить или хотя бы аванс. А то денег совсем нет, как семью кормить, чем за квартиру платить, не знаю. Жена тоже без работы сидит.

– По-моему, всем ясно было сказано, как только поступят деньги, начнём гасить задолженность по зарплате. Или вам нужно отдельно разъяснять, что я деньги не печатаю?

– Я всё понимаю, Василий Николаевич, но как жить-то? Ведь я же работал, мне положена зарплата, ведь на тот момент ещё были деньги, почему не выплатили?

– Никитин, вы сказали? – задумчиво спросил директор. – Я вас вспомнил. Вы с двумя судимостями ко мне устроились. И я вас взял, тогда как другие давали вам от ворот поворот. Я помню, что вы мне сказали тогда. Мол, готовы работать хоть где и хоть кем, потому что вам нужна работа.

– Да, правильно, Василий Николаевич. Да, у меня две судимости. Но разве плохо я работал, разве были ко мне нарекания? – говорил Иван, сдерживая гнев. – Я выполнял то, что требовали. За это мне положена зарплата…

– Нет денег, уважаемый, – перебил его директор, – говорю

по слогам, чтобы дошло: нет денег.

Василий Николаевич даже развёл руками, чтобы показать, как у него самого плохо с финансами.

– Да? А на бензин деньги есть? А на безбедную жизнь заначку не сделали? – уже не сдерживая клокотавшую ярость, выдохнул Иван. – Я у вас не в долг прошу. Я эти деньги заработал. Мне за жильё платить нечем, скоро детей кормить нечем будет. Мне что, в теплотрассу с ними идти жить?

– Всем сейчас тяжело, – скорбно ответил директор. – И я не заслужил такого тона с вашей стороны.

Но Иван уже почти не контролировал себя. Он стремительно подошёл к шефу и схватил за шею, опрокинув спиной на стол.

– Деньги мои отдай… – прошипел Никитин яростно, сдавливая горло директора.

Тот дёргался отчаянно, но поделать ничего не мог. А с Ивана в этот момент слетела вся зыбкая оболочка цивильности. Он снова стал зеком – злым и даже жестоким, живущим в условиях постоянных «тёрок-разборок»: один не так сказал, другой не так понял. Это почти всегда приводило к дракам, избиениям, подавлением воли и личности более слабых. И так каждый божий день. Если такой образ жизни непосилен – готовься переселиться в петушиный куток лагерного барака. Он выдержал, вернулся в мир, где за слова отвечать не принято, где можно говорить почти всё, что хочешь. Большинство из живущих в этом мире, на зоне стали бы «опу-

щенными», но тут им почти ничего не угрожало и они считали себя вправе молоть языком что ни попадя.

Директор почти перестал дёргаться. Иван словно вынырнул из тёмного омута, ослабил хватку. Шеф тут же заперхал, захрипел, мучительно вдыхая и выдыхая спасительный воздух. А Никитин охлопал его карманы, нащупал слева в нагрудном кармане через ткань какое-то утолщение, извлёк тугой бумажник, открыл, вытряхивая содержимое на стол. Выпали три пластиковые карты, какие-то визитки и скатанные в тугой рулончик, перетянутые резинкой пятитысячные купюры.

Иван развернул их и торопливо пересчитал. Сорок штук, ровно двести тысяч. Быстро прикинул – зарплата примерно за семь месяцев. Нормалёк, если учесть, что три месяца он получал небольшие авансы, а долг по зарплате накапливался.

– А говорил, денег нет, – зло бросил Никитин, небрежно стукнув шефа купюрами по щеке.

Он стремительно ушёл прочь, всё ещё слыша сдавленное перханье теперь уже однозначно бывшего директора. Да и хрен с ним.

«Видимо, на роду мне написано не в ладах с законом быть, – досадливо думал Иван. – Попробовал пожить честно – и что толку? А стоило только залезть в прежнюю шкуру, как сразу появились деньги. Законные, между прочим. Заработанные, – успокаивал сам себя он. – Мне жить на что-то надо, семью кормить. А начальник не обеднеет. Чай, не

последние в кошельке носил. Хм… Двести кусков вот так запросто! Тут за счастье двадцать тысяч постоянно иметь, а у него двести…»

Домой Никитин возвращался в твёрдом убеждении, что его там уже ждут полицейские. Поэтому решил через кого-нибудь вызвать жену, незаметно отдать ей деньги, а потом уж идти сдаваться.

«Дохрена дадут в этот раз, – думал он тоскливо, обречённо. – Статья сто шестьдесят первая – грабёж, часть вторая, пункт «в». Мне с моими судимостями до семи лет светит… А то и сто шестьдесят вторую – разбой, припаяют. Я ж его придушил, а это уже запросто можно квалифицировать как насилие, опасное для жизни или здоровья. Тут уже до восьми лет при моей-то биографии, да плюс штраф неподъёмный… Может, в бега податься? Бардак повсюду начинается. Кто меня искать станет? Буду как-нибудь помогать своим. На воле для этого возможностей больше, а на зоне точно не будет, там самому бы выжить. Что за жизнь у меня такая?.. Точно мать говорила, весь в батю пошёл…»

Жену Никитин на свою удачу встретил, ещё не заходя во двор. Она – тихая, неприметная, одетая бедненько, не торопясь шла по безлюдной улице.

Иван негромко окликнул её из-за угла дома:

– Лена! Иди сюда!

Молодая женщина остановилась, растерянно глядя на мужа.

– Вань, ты чего?

– Иди сюда!

Женщина подошла, посмотрела уже тревожно.

– Случилось чего, Ваня?

– Случилось.

– Что натворил-то опять? – всхлипнула Елена.

– Не реви, – строго сказал Иван.

Женщина тут же успокоилась послушно.

– Ничего особенного не натворил. Забрал, что положено. Директора в офисе встретил, зарплату просил. А он: нет денег, нет денег! Ну, я и не сдержался, даже не пойму, накатило, в общем…

Женщина охнула, прижав руки к лицу:

– Убил?!..

– Не, что ты! Я ж не мокрушник какой. Так, придавил чуть-чуть, деньги взял.

– Ваня! Посадят же опять! Господи! Что за наказание такое?! – отчаянно воскликнула Елена, всплеснув по-бабьи руками.

– Свидетелей не было, и вообще, я заработанное взял, не чужое, – проворчал Никитин.

– Ага! Только кто разбираться-то станет? Он заявление напишет и всё. Кто он со своими связями, и кто ты без них!

– А я ждать не буду. На дно лягу, а там время покажет.

– Всю жизнь прятаться собираешься? – скептически спросила женщина.

– Не дави на мозоль, – опять проворчал Иван. – Вот деньги. Здесь двести тысяч.

– Двести тысяч?! – ошарашено переспросила Елена, перебирая купюры.

– Хватит на какое-то время, а там поглядим. Ты сейчас домой иди, собери мне вещи какие-нибудь, станок, помазок, мыло… Ну ты сама знаешь. Только сделай так, что если вдруг придут со шмоном, чтобы не увидели вещи собранные. В двенадцать ночи я тебя здесь же ждать буду. Когда пойдёшь, смотри внимательнее, чтобы за собой никого не привести. Поняла?

– Да, – кивнула женщина, вытирая слёзы.

– Хватит ныть, не рви душу.

– Хорошо, не буду, не буду, – Елена торопливо вытерла глаза. – Ты денег-то возьми себе сколько надо.

– Десятку возьму, остальное вам. Да, спрячь их понадёжнее, чтобы не нашли, если вдруг шмон будет, а то и тебя потянут, как соучастницу. В шкафу в постельном белье не прячь ни в коем случае. Даже не знаю, что посоветовать. При себе носи, что ли. В трусы, вон, спрячь.

– Да ну тебя, Ваня! Ты-то сам куда?

– Найду место. Каждый день в два часа ходи здесь мимо, типа, по делам идёшь, только смотри внимательно и незаметно, нет ли кого за тобой, головой не верти, не оглядывайся. А то опера народ ушлый, сразу поймут, что к чему. Я буду появляться, когда надо. Потом определимся, где и как видеть-

ся будем. За детьми приглядывай.

Елена кивала согласно, едва сдерживая слёзы.

Расстались они скомкано, торопливо, целуясь, как в последний раз.

До дома женщина смогла дойти спокойно, не уронив ни слезинки. Она тоже ожидала увидеть полицию. Однако никого возле подъезда и у дверей квартиры не оказалось. Уже закрыв за собой дверь, она дала волю чувствам.

Проплакавшись, Елена всё лежала на кровати, погрузившись в тяжёлые воспоминания.

* * *

Исправительная колония находилась в нескольких сотнях километров от Красноярска. Когда-то учреждение входило в систему Краслага. Позже названия и сама система неоднократно менялись, но суть оставалась прежней во все времена – неволя.

Дорогу сюда Елена знала уже хорошо. Она приезжала на три краткосрочных свиданки и одну длительную к Ивану Никитину, познакомившись по переписке. Случилось это как раз после развода. Бросил её муж. Бросил с малым ребёнком на руках. От обиды и отчаяния написала Елена письмо на объявление в газете в рубрике «Знакомства», где какой-то парень предлагал познакомиться, оставляя для писем адрес исправительного учреждения.

Ответил он быстро. Настолько душевное было письмо это, что, казалось, не заключённый написал его, а какой-нибудь писатель, знающий самые тайные тайны женского сердца.

Завязалась переписка, ставшая настоящим бальзамом для одинокой и страдающей души Елены. Когда Иван в очередном письме робко и с множеством оговорок предложил ей приехать на краткосрочное свидание, она согласилась. И поехала. В такую даль. В глухомань. Всего на четыре часа. Чтобы потом сразу в обратную дорогу, долгую и нерадостную.

По-бабьи чувствовала: нет, не обманывает её этот парень. Да, зек он, да, сидит второй раз, но это стечение обстоятельств, невезучая жизнь. Она и сама так живёт, на роду, видимо, написано. Вот и пожалела такую же сирую душу.

После трёх краткосрочных встреч была регистрация брака, проходившая в помещении с комнатами для длительных свиданий. Их бракосочетание за колючкой оказалось очень скромным: ни белого платья, ни колец, ни марша Мендельсона. Но после регистрации новоиспечённой семье предоставили длительное трёхсуточное свидание, что для молодых стало настоящим свадебным подарком.

Потом Елена приехала на второе длительное свидание. Ивану оставалось сидеть совсем немного, так что их следующая встреча должна состояться уже на воле.

От маленькой железнодорожной станции до конечной остановки небольшого забытого Богом посёлка ходил раз-

битый и ржавый автобус. Ходил через раз да кое-как, на конечной разворачивался и сразу уезжал обратно. Дальше, до зоны, по идее, должен был курсировать другой рейсовый маршрут, но не было понятно, ходит ли он вообще.

По собственному опыту из прошлых поездок Елена знала: скорее всего, его давно не существует в природе. Осталась только выцветшая от времени табличка с расписанием. Поэтому женщина не стала стоять на остановке в виде едва живой деревянной будочки заметённой снегом, где никаких чужих следов не видно вовсе, а сразу пошла по направлению к зоне, настроившись на долгие четыре километра пути.

К исправительному учреждению вела единственная, продуваемая всеми ветрами дорога с выщербленным асфальтовым покрытием, а вернее тем, что от него осталось. Сейчас снежный накат скрывал сплошные ямы, а летом дорога превращалась в одни колдобины. В дождь их заполняла грязная вода, коварно пряча неожиданные провалы, грозящие гибелью автомобильной подвеске. Однако по сравнению с другими дорогами, их непролазной весенне-осенней грязью и зимними сугробами, эта была вполне себе проезжей.

Кругом лежал снег с торчащими из него засохшими стеблями сорной травы. Ветер, завывая в высоковольтной линии, мёл белую пыль, местами оголяя промороженную чёрную землю. Слева вдоль дороги, метрах в двухстах от неё, тянулась сплошная стена смешанного леса – береза да тополь.

Пока Елена шла под почти непрерывным ветром, околела

совсем, а руки оттянула китайская сумка с продуктами.

Приходилось часто перекладывать сумку из руки в руку, останавливаться, отдыхать, а замерзшие даже в рукавичках пальцы согревать дыханием.

Наконец вдали показались вышки, невысокая кирпичная труба котельной, почерневший от времени и непогод деревянный забор с витками колючей проволоки поверху; корпуса промзоны, административные здания и несколько панельных трёхэтажек жилых корпусов так похожих на обычные городские дома, только без балконов, чужеродные, насыщенные особой, нехорошей аурой.

Уже на подходе стал слышен под порывами промороженного ветра громкий стук проржавевшего листа кровельного железа по крыше двухэтажного неказистого административного корпуса исправительного учреждения.

Здесь всё, даже саму природу и воздух пропитала тяжёлая атмосфера неволи. Входящий сюда непривычный к этому человек почти физически ощущал энергетику несвободы. Она окутывала невидимым саваном и душила медленно, спокойно, неотвратимо. И только успокаивающая мысль, как испуганная птичка билась в надежде: это ненадолго.

Но не для тех, кому пришлось оказаться здесь по приговору суда…

Елена не сразу попала в кабинет к начальнику оперчасти исправительного учреждения – Ширяеву Леониду Викторо-

вичу, низкорослому грузному неопрятному мужчине возрастом за сорок, имевшему одышку, красное в прожилках брыластое лицо и постоянный чесночно-водочный дух.

«Куму» заключённые давно дали погоняло Ширик. Его ненавидели все зеки: они знали, что он всегда договаривается с родственниками, а особенно с симпатичными жёнами сидельцев насчёт получения ими разрешений.

Заключённым свиданки и так положены по закону, но любой знает, что у администрации есть куча способов и причин не дать их зеку.

Цену – либо деньги либо секс «кум» называл в зависимости от ситуации, распознавая посетителей с первого взгляда, намётанного за долгие годы работы опером. Благодаря опыту, он всегда чувствовал, кому предложить второе, кто пожалеет денег и согласится на секс, поэтому отказов почти не знал. Да и во взятках ему почти никогда не отказывали. Давали, сколько могли, так как никто не хотел уезжать без свиданки после долгого и унылого пути в этакую глухомань.

Ширяев честно делился с «хозяином» деньгами. Поэтому тот закрывал глаза на беспредел «кума».

Работал одно время в учреждении прыткий малый. Попытался он пойти против «хозяина» с «кумом», но случилось так, что правдолюбец, сам того не ведая, оказался с «душком» и схлопотал срок за неожиданно найденные у него наркотики. И даже нашёлся свидетель – зек из наркоманов, подтвердивший, что «дурь» предназначалась ему.

После того, как правдолюбца «законопатили» на несколько лет в ментовскую зону, тот зек вдруг стал библиотекарем, что по зоновским меркам считается очень тёплым местечком, а потом трагически погиб. Расследование показало – упал со стремянки, уронив на себя тяжёлый стеллаж с книгами.

Ни до этого, ни после не находилось более желающих перечить начальству и искать правду.

И всё же срывы у Ширика иногда случались: некоторые родственники и жёны жаловались начальнику колонии. Тот обещал примерно наказать мерзавца и даже устраивал ему разнос в кабинете в присутствии жалобщиков. Но по странному совпадению свидания в этом случае никогда не происходили, потому что заключённый как раз в это время находился в ШИЗО – штрафном изоляторе за какое-нибудь нарушение. И тогда жалобщики уезжали ни с чем. У них даже передачи не принимали, всегда находя причину для отказа.

Прежде Елена бывала уже в кабинете у «кума» и всякий раз испытывала непонятно почему появлявшееся чувство брезгливости, но виду, естественно, не подавала.

Она не знала, что была, пожалуй, единственной, с кого Ширяев даже не пытался брать взятки: настолько бедно выглядела женщина. Обмануть его практически никто не мог, хоть и ушлый народ зеки: многие из них своим родственникам советовали одеваться победнее. Однако начальник оперчасти всегда просекал таких хитрецов.

Но при виде этой худосочной бледной и невзрачной бабы у него сразу появлялось убеждение: если взять с неё хоть рубль, то домой за несколько сотен вёрст ей придётся пешком возвращаться.

А про секс даже заикаться не хотелось.

Ширяев удивлялся себе, ибо давно уже не жалел никого, исповедуя простую житейскую мудрость: живя на погосте, всех не оплачешь.

Разрешение на длительное свидание она получила, даже не предполагая, что думает о ней начальник оперчасти.

Её, вещи и привезённые продукты подвергли тщательному досмотру, после чего Елену отвели в комнату с дешёвенькими обоями, с занавесочкой на небольшом, низко расположенном окне.

У стены притулились поставленные рядом две односпальные кровати с провисшими панцирными сетками, с худыми матрасами, застиранным до серого цвета бельём, и казёнными синими одеялами с двумя чёрными полосками в ногах.

Посредине комнатки стоял старый стол с четырьмя расшатанными табуретами по сторонам. Давно не крашеные, облупившиеся полы нещадно скрипели, как и кровати.

От всей комнатки веяло убогостью, унынием и тоской скорого расставания.

Ивана привели не сразу.

Он, в чёрной телогрейке с нашитым на ней номером, в

чёрных валенках и такого же цвета стёганых ватных штанах, замер на пороге, держа в красных с мороза, задубелых руках измочаленную шапку. Лицо тоже красное и исхудалое, губы потрескавшиеся и сухие, зелёные глаза колючие и настороженные. Очень короткая стрижка придавала ему вид жёсткий и даже злой.

Елена пошла навстречу, но остановилась нерешительно посреди комнаты, глядя на мужа.

А тот глядел на неё.

Наконец, она произнесла:

– Здравствуй, Ваня…

– Здравствуй, Лена, – простуженным голосом ответил Иван. – Как добралась?

– Хорошо…

Елена пошла к мужу и тихо прижалась к нему.

– Холодный…

Иван нерешительно обнял её.

– Я ждал тебя. Очень…

– Пойдём к столу, Ваня. Я покормлю тебя.

Первым делом Иван сбросил с себя зоновскую робу и переоделся в спортивный костюм, привезённый женой. На длительных свиданиях это разрешалось. Долго рассматривал простые домашние тапочки и новые шерстяные носки, будто видел такое впервые в жизни.

После сходил, помылся, пытаясь хоть ненадолго отогнать впитавшийся в самые поры лагерный дух.

Потом только сел к столу с немудрёной домашней едой. И тоже долго не притрагивался ни к чему, хоть и видела жена в его глазах истосковавшегося по нормальной еде человека, измученного постоянной полуголодной жизнью.

Он вообще был немного заторможенным: вероятно никак не мог осознать своей пусть мнимой, пусть короткой, но свободы.

Иван ел мало и не спеша.

– Что не ешь-то, Ваня? Тебе всё везла, – смаргивая слёзы, с улыбкой спросила Елена.

– Отвык от такой еды. Нельзя много: живот заболит, – смущаясь, пояснил он.

Потом они любили друг друга на скрипучей неудобной кровати. Время между разговорами и сексом летело незаметно. Они старались не думать о предстоящей разлуке, но тоска неизбежного грызла душу, съедая вместе с ней драгоценные, незаметно тающие минуты.

Трое суток пролетели как один миг. И вот уже пора расставаться. За дверью послышались грубые голоса, тяжелые шаги. Несколько раз гавкнула собака.

– Заканчиваем длительное свидание! – донеслось из коридора.

– Я должен идти, – произнёс Иван, катая желваки.

Елена мелко покивала, пряча глаза.

Они стояли посреди комнаты, обнявшись.

Нехотя оторвавшись от жены, Иван пошёл к выходу.

Та последовала за ним, цепляясь за одежду.

Когда муж открыл дверь, из коридора загремел властный голос:

– Посетительнице оставаться в помещении для свиданий! Заключённый Никитин, на выход! Лицом к стене! Руки назад!

Елена плакала, слушая, как разговаривают с её мужем, будто он бесправная скотина.

Их разделяли всего несколько шагов, но это были шаги из мира нормального в мир зазеркалья, уродливый и жестокий.

Ивана увели.

Елене тоже не дали много времени на сборы.

В комнату без стука, по-хозяйски вошёл какой-то заключенный. Его трепещущие ноздри жадно втягивали воздух.

Женщина неуверенно посторонилась, пропуская зека. Она даже не догадывалась, что тот пытается уловить флюиды секса.

Зек наглым взглядом обшарил её, потом кровать, жадными глазами окинул пустой стол, после чего маленькие глазки разочарованно потухли.

Иван забрал оставшиеся продукты с собой.

«Для своих пацанов», – коротко пояснил он.

– Желатин! Где ты там? Иди сюда! – окликнул кто-то из коридора.

– Иду! – отозвался зек и пошёл к выходу. У двери остано-

вился, развернулся и сказал: – Поторопись, вольняшка. Мне ещё порядок наводить здесь.

– Хорошо, я быстро, – ответила женщина.

Она боялась этого заключённого. Нехорошая аура от него исходила: жестокость, подлость, коварство, способность предать, ударить в спину…

От Ивана она такого не чувствовала.

От него исходила нечеловеческая усталость и животное терпение, когда выдержать можно многое, почти всё, чтобы выжить и вернуться.

Елена уходила по той же пустынной продуваемой ветрами дороге. Долго стояла на конечной остановке, уже собралась идти на станцию через весь населённый пункт пешком, чтобы окончательно не замёрзнуть, но подошёл автобус.

Поезд прибывал только следующим утром. Остаток дня и всю ночь она сидела в холодном и пустом зале ожидания. Когда объявили посадку, Елена возблагодарила Бога за окончание мучений, всё же стыдясь их, понимая, что Ивану труднее несравнимо.

Когда женщина шла к своему вагону, то увидела, как из вагон-зака, прицепленного к хвосту поезда, по одному выпрыгивают этапники, садятся на корточки, ставят перед собой китайские сумки с немудрёными пожитками, кладут на затылки испещрённые наколками кисти рук.

Заключённых окружали конвойные с автоматами и поче-

му-то молчащими, спокойными собаками на поводках. Поодаль стояли два спецавтомобиля – автозаки.

Вместе с Еленой по каким-то делам уезжали ещё несколько человек из местных, да несколько сошли на этой станции.

Этапников было раза в два больше, чем вольняшек.

Она так и не узнала, что Иван избил шныря по кличке Желатин. Тот подглядывал в специально сделанную дырочку, хоть и клятвенно заверял, мол, никакой дырки нет и в помине, а на него наговаривают всякие козлы.

Однако шнырь не только с большой охотой подглядывал, но ещё и мастурбировал при этом.

Ивану настучал другой шнырь. Сделал он это потому, что Желатин, по мнению шныря, спёр у него полпачки чая.

Желатин отправился в медчасть, а Никитин угодил в ШИЗО на пятнадцать суток. И все считали, что он ещё легко соскочил. А могли бы и срок накинуть.

В тесной камере на зарешеченном маленьком окне под потолком намёрз большой кусок льда, стоял собачий холод. На стенах, покрытых «шубой», от дыхания кристаллизовался иней.

Летом же – наоборот, держалась невыносимая духота. От недостатка свежего воздуха арестанты теряли сознание.

Телогрейку и шапку у Никитина забрали, как и положено для содержащихся в штрафном изоляторе. Разрешалась только арестантская роба. Вместо нормальных валенок вы-

дали полностью обрезанные, наподобие галош.

Сваренный из стальных полос лежак на день поднимали к стене и замыкали на замок, опуская только к ночи. Тогда выдавали дохлый матрац, через него чувствовался холод железа, и постельное бельё, больше похожее на портянки, до того оно было серым и затасканным.

Металлический стол и такой же табурет намертво прикручены к полу. Сидеть на табурете в такую холодину мог только самоубийца. Иван им не был. Он хотел вернуться домой и начать жить по-человечески, забыть навсегда этот ад.

Днём приходилось сидеть на корточках, сжавшись в комок, сохраняя почти потерянное тепло и остатки сил.

И терпеть, терпеть, терпеть…

И так на протяжении пятнадцати суток.

Пайку давали уменьшенную и специально холодную.

На часовую прогулку не выводили. Да и сил на неё не имелось, хоть и предоставлялось такое право. Никитин не ходил, экономя силы, иссякшие на пятые сутки.

Впереди ждали ещё десять…

Елена уже давно приехала домой и написала об этом письмо, а её муж всё ещё отбывал в штрафном изоляторе назначенное наказание.

Как его выводили, Никитин почти не помнил. Как оказался в бараке отряда среди своих семейников[2] – тоже. Те сра-

---

[2] В местах лишения свободы заключённые живут «семьями», когда несколько человек добровольно объединяются для взаимной поддержки во всём. Чем

зу дали ему чифиря, кусочек сала с чёрным хлебом и принесённую со столовой пайку.

Выпив маленькими глотками чифирь, съев хлеб с салом и пайку, Иван рухнул на кровать, провалившись в черноту.

Утром при подъёме он не услышал команды и сразу не подскочил с кровати, за что получил ещё десять суток ШИЗО.

Ничего этого Елена так и не узнала.

* * *

Никитин нашёл временное пристанище на квартире у одного из тех самых корешей, что подставили его с угнанной тачкой. Очень не хотел Иван идти туда, но поразмыслив здраво, решил, что это наиболее приемлемый вариант.

Кореш, надо отдать ему должное, принял беглеца без вопросов. Жил он один в двухкомнатной квартире, поэтому проблем с местом не возникло.

К вечеру подтянулись двое других. Как водится, организовали стол из чего смогли, раздобыли литр мутной самогонки.

Иван рассказал им всё как есть, чем вызвал у дружков бурные эмоции одобрения.

Дальше завязался полупьяный разговор о том, как жить дальше, когда творится непонятно что, и дело, похоже, идёт

крепче, драчливее «семья», тем легче живётся её членам – семейникам.

к большой войне. Вон, ходят слухи, на Кавказе опять русских режут, оттуда беженцы повалили валом, а казаки только и успевают отбиваться от набегов почувствовавших безнаказанность горцев. Да и в самой Москве чёрте что творится, стреляют уже средь бела дня – полиция по бандюкам, те друг в друга, да и в полицейских, порой. Добропорядочные обыватели как с цепи сорвались, митингуют, орут с пеной у рта и бьют друг другу морды, аж загляденье.

Вот и нам самим надо урвать кусок побольше, пока есть такая возможность.

Иван благоразумно помалкивал, пока его дружки пьяно хорохорились, предлагая то банк нахрапом взять, то инкассаторскую машину, что ещё нет-нет, да и ездили по почти пустому городу. Вот только непонятно, возят они деньги или порожняком катаются.

«Нет, я с этими бакланами ни на какое дело не подпишусь, – думал Никитин меланхолично. – Ни с ними, ни с кем другим. Мне хватит моих двух ходок и восьми лет вычеркнутых из жизни. Как вообще меня угораздило сегодня директора прессануть? Нажил себе головняк, а мог бы сейчас сидеть дома спокойно. Как там? Тихо, нет? Или уже ищут меня? Ладно, завтра всё узнаю. Лишь бы Ленка за собой никого не притащила по простоте своей душевной. С другой стороны, о каком спокойствии я мечтаю, когда денег почти не осталось, хата съёмная, платить надо, жрать что-то надо и детям, и мне с Ленкой? Вот как тут быть честным?»

Иван и предположить не мог, насколько был близок к истине, когда думал, что его, возможно, уже ищут.

В это самое время в их съёмной квартире четверо хмурых типов с волчьими глазами требовали у Елены выдать местонахождение мужа. Деньги они уже забрали. Вернее, женщина сама отдала их, как только один из типов приставил пистолет к голове её испуганного сына – семнадцатилетнего Романа, а второй мужик без труда обхватил своей лапищей худенькую шейку пятилетней заплаканной Виктории.

Елена со слезами умоляла отпустить детей и клялась, что не знает, где муж.

Один, видимо старший, сказал:

– Здесь не вся сумма. Где остальное?

– Муж взял…

– Ну, ничё, ничё, – зловеще произнёс главный. – Пообщаемся ещё с твоим мужем. Так где он?

– Не знаю я, Богом клянусь! Детей не трогайте…

– Ладно. Поверим пока. Двое останутся здесь, подождут твоего благоверного, а мы пока поищем его по своим каналам.

– А если он не придёт? – дрогнувшим голосом спросила женщина.

– Тем хуже для вас, потому как счётчик уже мотает, а должны вы двести кусков к концу этой недели, то есть, через три дня. Не отдадите, на следующей неделе будет уже четыреста.

– За что? – заплакала Елена.

– Ты совсем дура, что ли? – искренне удивился старший. – Твой мужик нахамил уважаемому человеку, напал на него, чуть не задушил, ограбил. А ты ещё спрашиваешь за что. Штраф это, если не по-другому не понятно.

– Так Иван своё взял, ему зарплату задолжали, – сквозь слёзы, выдавила женщина.

Старший посмотрел на неё с сожалением, как на умалишённую, и произнёс для своих, отвернувшись от глупой бабы:

– Да тут клиника конкретная.

Те хмуро, с превосходством сильных, ухмыльнулись.

Ночью Елена не спала. Она сидела в комнате рядом с кроватями спящих детей и через приоткрытую дверь слушала, о чём говорят двое на кухне. Но они разговаривали мало и о каких-то пустяках, совсем не касающихся её семьи.

Женщина горько думала о том, что правы те, кто говорит: чужие деньги счастья не приносят. В её случае они принесли только несчастье. Где теперь брать двести тысяч на штраф? У них сроду столько не было одной суммой. Ведь точно не успеют отдать, тут и к бабушке ходить не надо, как говорят. Поэтому долг удвоится, а это вообще какие-то запредельные деньги.

Что будет с Иваном? Опять посадят? Эти типы на полицейских не похожи. Могут вообще искалечить и даже убить.

А что будет с детьми и с ней самой?

Елена молча плакала, утирая слёзы кухонным полотенцем.

Утро ничего нового не принесло.

К этому времени женщина решила всё рассказать и пойти вместе с этими людьми на встречу с Иваном. Хитрить бессмысленно и очень опасно. Да и он вряд ли станет прятаться, как только узнает, что произошло. Нужно что-то делать. Пусть Иван повинится перед директором, прощения попросит. Авось, тот и простит. Ведь не со зла же муж совершил такой поступок.

Как она задумала, так и сделала.

Оба типа среагировали сдержанно. Казалось, они вообще не способны испытывать каких-либо эмоций, кроме угроз в чей-то адрес.

Елена собиралась пойти на встречу с Иваном. Мысли о детях и их безопасности держали её в крайнем напряжении. Ни о чём другом думать женщина не могла. Она твёрдо надумала убедить мужа сделать всё, что скажут эти люди. Только бы с сыном и дочерью ничего не случилось!

Один из типов остался в квартире присматривать за ней и за детьми, пока она ходит к мужу. Второй ещё утром ушёл и передал своим подельникам, сидевшим в машине у подъезда, всё, о чём узнал.

Втроём они решили организовать засаду, чтобы успеть пе-

рехватить объект до того, как баба придёт на место встречи. Ведь он сам наверняка явится раньше, чтобы убедиться в отсутствии возможной засады. Вот поэтому и порешили занять позицию загодя и взять объект в момент его появления, когда он особо не ждёт этого.

Они расположились на площадке одного из подъездов, у окна. План был простым: взять мужика тёпленьким и доставить к заказчику. Что уж он там сделает с ним, их не интересовало. Задаток получен, остальное – после завершения работы. Плюс, от себя назначенный штраф – за беспокойство, так сказать. Жить на что-то надо, времена непростые настали.

Никто из группы не собирался причинять вред детям или бабе: они всего лишь инструмент для достижения цели.

Пришлось, конечно, изобразить разбойников с большой дороги. Им, бывшим операм, это не составило никакого труда.

Пока не начался весь этот бардак, они работали в службе безопасности у своего нынешнего заказчика, на то время являвшегося их работодателем. Всё изменилось, фирма приказала долго жить, парни остались не у дел. А у всех семьи. Тут на их удачу дал знать о себе шеф. Проблема, мол. Надо встретиться.

Как бывшие опера предполагали, так и получилось: объект появился на пару часов раньше. Не торопясь зашёл во двор, постоял, зыркая по сторонам, затем пошёл в подворот-

ню.

– Он? – спросил один у старшего.

– Чё ты спрашиваешь, видел же фотки у них дома и на работе в личном деле, – проворчал тот.

– На всякий случай. Ты у нас старший, вот и советуюсь, – заёрничал сдержанно напарник.

– Хорош умничать, – осадил его главный. – Действуем по плану.

Первым вышел тот, что ёрничал. Вида он был совсем обычного. Таких в последнее время в городе полно: нахохлившиеся, в тёмной невзрачной одежде, куда-то идущие, не зевающие обывательски по сторонам, лишь бросающие быстрые колючие взгляды.

Опер прошёл не спеша через неширокий пустынный двор и направился к подворотне, ведущей на улицу, ещё не так давно запруженную постоянными автомобильными пробками, сейчас же свободную и непривычно широкую.

Он прошёл мимо Ивана, покосившись на того настороженно, как сделал бы это любой, встретивший незнакомца в не самом приятном месте.

Никитин тоже проводил его внимательным взглядом, не почувствовав никакой опасности.

Минут через десять из подъезда вышёл второй, направляясь тем же путём, что и первый. Тем самым они перекрыли оба выхода: из подворотни на дорогу и обратно во двор.

Иван, не обладая нужными в такой ситуации знаниями,

сам загнал себя в ловушку, ещё не догадываясь о том, что та захлопнулась.

Второй зашёл в подворотню и, слегка замедлив шаг, спросил у Никитина:

– Закурить будет?

– Самого бы кто уго…

Договорить он не успел. Незнакомец рванулся к нему, снёс с ног и заорал:

– Мордой вниз, сучара!!! Руки за спину!!!

Ошеломлённый Иван даже не пытался оказать сопротивления навалившимся крепким и решительно действующим мужикам.

Знакомо щёлкнули на запястьях наручники.

«Вот и всё…», – только и успел подумать он отрешённо.

Его продолжали держать на асфальте, замотав скотчем щиколотки и руки, сведя за спиной локти. Из такого положения не всякий йог выпутается. Чего уж там говорить об обычном человеке.

Тем временем третий подогнал машину. Никитина сгребли в охапку и забросили в обширный багажник.

– Вот и всех делов, – удовлетворённо вымолвил старший, заводя двигатель. – Поехали, что ли, заберём Ваську из той хаты.

Так они и поступили. Когда собрались все вместе, старший сказал:

– Пора груз сдавать. А с бабы этой мы всё равно ничего

не получим. У них там шаром кати. Зря запугали только.

– А я бы всё равно дожал, – возразил Василий. – Что-нибудь да возьмём. Чё их жалеть? Время сейчас такое, никто никого не жалеет, о себе думать надо.

– Тоже верно, – покладисто согласился старший. – Что-то я расчувствовался. От радости, видать, что легко всё так вышло. Дожмём, пожалуй, семейку эту, пусть выворачиваются, как хотят. Кстати, баба у него не то чтобы страшная, но какая-то… даже не знаю, с чем сравнить. Жизнью затюкана. А, во! Серая мышка. Да, очень подходит. У меня б на такую не встал.

– Этому зеку пойдёт и такая. Другая посимпатичнее не стала бы с ним жить. У него, как у латыша – только хрен, да душа, – хохотнул Василий и добавил: – Какой нормальной бабе такой мужик нужен? И она сама никому не нужна, раз на зону замуж поехала. Так что они друг друга стоят.

– А при чём тут латыши? – не понял старший.

– Это я от бабушки своей запомнил, – пояснил Василий. – Я ещё маленький был, она иногда вспоминала свою молодость в тылу во время войны. Говорила, как-то привезли к ним в деревню ссыльных латышей целыми семьями от мала до велика. У них вообще ничего не было с собой, только летняя одежда. Бедствовали они очень. Голодали, собирали грибы в лесу, а толком в них не разбирались. Умерли почти все, кто от отравления, кто от голода и пришедших зимой морозов.

– Да, было времечко… – вздохнул старший. – Сейчас не намного лучше, кстати. То ли ещё будет.

– А баба у него и вправду страшная, – вернулся Василий к прежней теме.

– Зато можно не бояться, что рога наставит, – хмыкнул старший.

– Да уж, – согласился Василий. – Но с другой стороны, как говорится, лучше торт сообща, чем дерьмо в одиночку. Хотя, оно, конечно – кому понравится узнать, что его красивую жену полгорода дерёт? А красивые они все такие – на передок слабые. Считают, что с одним мужиком жизнь впустую теряют. Так что тут ещё, в натуре, подумаешь, что лучше: не красивая, но верная, или красивая, но не верная.

Двое других оперов участия в разговоре отчего-то не принимали. Замолчали и оба разговаривавших.

Дальше ехали молча.

На одной из улиц дорогу автомобилю преградила возбуждённая толпа. Такие орды в городе собирались часто. Орали, митинговали, выдвигали какие-то требования, частенько что-нибудь громили. Редко кто мог им помешать. Правоохранители и без того захлёбывались в вале преступлений, силовиков раздирали сомнения: то ли федеральную власть поддерживать, переставшую зарплату платить, то ли к набирающей силу оппозиции примкнуть, хотя и там зарплату тоже только обещают, правда, более высокую.

– Стой! Стой! – занервничали попутчики в один голос.

Но старший уже и сам затормозил и хотел развернуться, но не успел.

Машину разом окружили. Кто что орал – непонятно, но вся злость толпы сконцентрировалась на этом автомобиле, осыпаемом многочисленными ударами.

– Прорывайся! – закричали мужики старшему.

Но тот замер нерешительно. Как прорываться, по людям, что ли?

А с улицы кто-то заорал громче всех, перекрикивая толпу:

– Вот они, сволочи! Жируют! Раскатывают тут, а мы без жратвы сидим! Мочи их!!!

Тут же под очень сильными ударами посыпались стёкла. В салон полезли злые лица и цепкие руки.

Старший отбросил все сомнения и даванул на педаль акселератора.

Машина рванулась назад, сбила нескольких человек, проехала по ним…

Гомон толпы разорвали вопли боли…

Кто-то отхлынул в сторону, другие, наоборот, облепили автомобиль, повисли на нём гроздьями, сумели на ходу раскрыть двери, помешать водителю ехать дальше… Потом выволокли его и пассажиров вон, затаптывая всех насмерть…

Никитина вытащили из багажника. Кто-то разгорячённый пнул его пару раз, но зарвавшегося экзекутора оттолкнули, крича:

– Э! Ты чё! Этот-то при чём?!

С него сорвали скотч, сняли наручники. Посыпались участливые вопросы: что, да как и почему.

Иван, ещё не веря в своё столь неожиданное освобождение, взмолился:

– Беспредельщики наехали, сам не понял, почему. Перепутали с кем-то, видать. Пацаны! Домой мне надо срочно! Дайте пройти! Дети у меня там, жена!

– Ишь, заботливый какой. Дети! У всех дети, – послышалось из толпы. – Ладно, дайте ему пройти, пусть топает.

Никитин пробрался через толпу, ловя на себе со всех сторон какие-то хищные взгляды, будто он лично виноват во всех бедах. А может быть, ему так казалось, всё-таки столь неожиданный захват, поездка связанным в багажнике, потом столь же неожиданное освобождение, когда казалось, что уже всё, конец, оказали на него сильное воздействие. А в таком состоянии мало ли что может показаться.

Домой он бежал, не жалея сил, гоня от себя страшные мысли о том, что с родными и близкими ему людьми могло что-то случиться. Ведь вышли же как-то на него эти преследователи. Наверняка у него дома побывали! Ну, зачем, зачем он так легкомысленно рискнул безопасностью близких?! Только бы ничего не случилось, только бы ничего не случилось…

Подскочив к двери, забарабанил в неё, позабыв о том, что есть ключ.

С той стороны послышался робкий голос Елены:

– Кто?

– Лена, это я! С вами всё хорошо?! Ничего не случилось?!

Дверь широко распахнулась. Женщина со слезами бросилась на грудь мужу:

– Господи… Ваня… Ваня…

– Ну, что… что?.. Где дети, что с ними?

– Ничего, ничего, Ваня… Всё хорошо. Но тут были страшные люди, они искали тебя, забрали деньги и сказали, что мы должны в два раза больше.

– Собирайтесь, – сказал Иван, закрывая за собой дверь.

– Куда, Ваня? – отрешённо спросила успокоившаяся вдруг женщина, прижимая к себе дочь, и глядя то на мужа, то на сына. – Куда мы пойдём? Они всё равно найдут нас, куда бы мы ни пошли…

– Уже не найдут, – холодно ответил Никитин, вспоминая затоптанных до смерти преследователей.

– Не найдут? – не поняла женщина.

– Нет. Но лучше всё же уйти отсюда. Мне за вас так спокойнее будет. Нас всё равно хозяева скоро попросят. Сама знаешь, за аренду платить нечем.

– Куда же мы пойдём? – губы Елены снова затряслись в беззвучном плаче. – А что ты сделал с этими людьми?

– Не реви, – строго сказал Иван. – Я ничего не сделал. Другие сделали. И я тут не при чём.

– Не буду, не буду… – торопливо ответила женщина, прижимая ладонь к губам.

– К Андрею пойдём. Попросимся на постой временно. А там видно будет. Даст Бог, не откажет нам брат мой. Человек он хороший, не то что Федька. Давай, собирайтесь. Берите вещи. Зимние – тоже. Складывайте всё в сумки. Продукты возьмите, какие остались, спички, соль. Идти придётся пешком. Автобусы не ходят, сами знаете.

Спустя пару часов, небольшая семья покинула квартиру, отправляясь в неизвестность, ещё не зная, как отреагирует старший брат на их появление в такое непростое время.

Ну, даст Бог, не выгонит.

Путь предстоял неблизкий – километров двадцать через весь город, с правого берега на левый, потом за городом ещё пару десятков вёрст отмахать.

Раньше они не задумывались никогда о том, что придётся ходить вот так, через весь миллионный, вытянувшийся по обоим берегам Енисея, мегаполис, без всякой надежды на попутный общественный транспорт. Не заметные прежде многие километры, быстро и легко поглощаемые автобусами от остановки до остановки, теперь вдруг оказались такими длинными, долгими и трудными для преодоления.

Глава II
Противостояние

Задумка Трошина по устранению прежнего «буграа» и наиболее опасных «быков» прошла успешно. Сработал тот самый принцип неожиданности, когда Фёдор сходу застрелил не ожидавшего такой подлости главаря и троих стоявших рядом громил. К делу подключились двое подельников Трошина, пустившие в ход полученные пистолеты.

Безоружный Слава, оказался не у дел и в первые же секунды скоротечной перестрелки был убит опомнившимися бандитами. Так же, смертельно ранили Костю. Но на этом успехи бандюков закончились. Фёдор и Олег сумели добить тех, кто никогда под них не пошёл бы. Остальные сдались без боя, побросав стволы.

Именно на это и рассчитывал Трошин.

После расправы он выгнал с территории профилактория родственников убитых и перевёз свою семью на новое место. Когда жена узнала все подробности, то впала в истерику, кричала, что не станет тут жить, вернётся назад. Но Фёдор оставался глух к её бурным эмоциям. В конце концов, она успокоилась и даже освоилась, общаясь с нежданными новыми соседями.

Дела у Трошина шли неплохо. Он продолжил дело прежнего главаря и сумел сохранить наработанные тем связи с

коррумпированными правоохранителями. Те сами вышли на него и в жёсткой форме предложили свои условия взамен на относительную свободу действий. Фёдор, не будь идиотом, согласился.

Он сделал Олега своей правой рукой, невольно удивляясь беспринципности и жестокости молодого парня. Порой Фёдор сам побаивался его, но виду не подавал. Да и заместитель оказался далеко не дурак – всё понимал и выше установленной ему планки прыгнуть не пытался.

На протяжении всего времени, как ему удалось стать главарём, Трошин ни на день не переставал думать о Наталье, к которой его тянула необъяснимая сила, будто других женщин и нет на свете. С женой он старался быть прежним, справедливо считая, что она не виновата. Ну не любит он её больше, да и не любил никогда так, как Наталью, ну что теперь делать!

Однажды, уже в последние дни августа, выбрав свободное время, он решил заехать к ней в гости. Незваным. Неожиданно. Как всегда, впрочем. Ни на что не рассчитывая, поехал всё же.

Поехал один, не взяв с собой никого, что при неспокойных временах было довольно таки рискованно: народ, обозлившийся до предела на всё и всех, запросто мог расправиться с владельцем дорогой машины. Тут как повезёт. Иные ходят, бросают колючие взгляды, сплёвывают порой со злобой, но этим и ограничиваются. А если попадёшь на разгне-

ванную толпу, жаждущую чужой крови, то дело худо: машину разобьют вдребезги, а самого затопчут насмерть.

За стёклами уютного автомобильного салона проплывали опустевшие, замусоренные, пыльные улицы города. Дома, как живые существа настороженно и хмуро глядели многочисленными неприветливыми окнами.

От почти полного отсутствия транспорта дороги стали непривычно широкими. Одинокие сгоревшие легковушки по обочинам заставляли сердце тревожно сжиматься от осознания собственной незащищённости.

Куда люди попрятали своих четырёхколёсных коней, для Трошина оставалось загадкой. В квартиры затащили, что ли? Ведь раньше в том же центре не протолкнуться было от пробок и сотен припаркованных машин. Наверное, многие попросту покинули мегаполис, ставший не только неприветливым, но и опасным, подавшись поближе к земле, где есть возможность хоть как-то прокормиться.

Дом сталинской архитектуры находился почти в центре города. Трёхкомнатная квартира с высокими потолками досталась Наталье от давно умершей бабушки по материнской линии. Ещё с мужем она сделала евроремонт, превратив запущенное пожилой женщиной жильё в уютное современное гнёздышко.

Фёдору сразу понравилось там, но вот зазноба его никак не желала растопить в своём сердце лёд. И потому он чувствовал себя лишним в этой квартире, хотя многое отдал бы,

чтобы всё стало наоборот.

Поднявшись на третий этаж, Трошин решительно постучал в дверь, уже заранее зная, что дальше порога его не пустят. В последнее время так и бывало. Наталья разговаривала с ним в дверях, не предлагая войти, как сделала это, вероятно от неожиданности, в его первый после долгого перерыва приезд.

Всякий раз после таких встреч он уходил, испытывая странное ощущение: удовлетворение оттого, что увидел предмет своего обожания, и обиду что опять оказался отвергнутым.

За дверью послышались лёгкие шаги. Настороженный голос спросил:

– Кто?

– Наташа, это Фёдор. Открой, пожалуйста.

Через некоторое время дверь, будто раздумывая, открываться или нет, слегка приоткрылась. В проёме стояла дочь Натальи – Ксения.

У Трошина аж сердце ёкнуло и сладостно заныла душа.

Семнадцатилетняя девушка была чертовски хороша. Юность сочеталась с хорошо развитыми соблазнительными формами. Светлая чёлка ровно пострижена и закрывает лоб до бровей. Длинные осветлённые волосы гладкой тяжёлой волной падают за плечи и прячутся за гибкой стройной фигуркой. Серые глаза широко распахнуты, густые ресницы слегка подведены. И больше никакой косметики на хоро-

шеньком личике, да она только испортила бы всё.

Девушка прекрасно сознавала свою красоту и выглядела неприступной гордячкой. Копия матери в пору её молодости. Впрочем, с годами Наталья стала лишь красивее, умело используя внешность и свойственную ей женственность.

– Здравствуйте, дядя Федя, – сказала вежливо девушка.

– Здравствуй, Ксюша. Не ожидал тебя увидеть. А где мама?

– Она ушла талоны отоваривать.

– А что ж одна-то? А ну как отберёт кто продукты на обратном пути?

– Если бы мы вдвоём пошли, то шансов дойти без потерь было бы больше? – слегка улыбнулась девушка. – А вы чего к нам опять?

– А то ты не знаешь, – неожиданно для самого себя вздохнул Трошин.

– Зря ходите, дядя Федя. Не любит мама вас. Неужто не понимаете?

«А Ваньку, значит, любит?», – в сердцах едва не воскликнул Фёдор, но сдержался и даже внешне остался прежним.

Что она понимает в любви, эта девчонка?! Ветер в голове ещё, а рассуждать пытается как взрослая, самонадеянно полагая, что знает о жизни всё.

Трошин собрался уже уходить, как вдруг заметил вышедшего из комнаты в коридор пасынка Ивана – семнадцатилетнего Романа, хорошо сложенного, высокого, но ещё по-

юношески хрупкого. Впрочем, с возрастом из этого мальчика должен получиться видный мужчина.

– А он что тут делает?! – спросил безмерно удивлённый Фёдор.

Уж чего-чего, а подобного он никак не ожидал. Это что же получается? Братец уголовничек в своё время дорогу перешёл, а теперь его выкормыш здесь ошивается! Отчим за матерью, этот за дочкой ухлёстывает! Просто какая-то династия ухажёров!

– Это не ваше дело, – спокойно ответила Ксения и закрыла дверь.

Вот так! Дочка вся в маму пошла. Та тоже вот так закрывает дверь перед его носом – спокойно и насовсем. А он всё ходит и ходит! Чёрт бы побрал эту проклятую любовь!

Трошин не спеша ехал по улице, погружённый в свои мрачные думы. Появление Натальи стало для него неожиданным. Она шла по пешеходной дорожке с небольшой плетёной хозяйственной сумкой в руке.

В последнее время горожанам стали выдавать талоны на продукты первой необходимости. Это несколько разрядило ситуацию, но не ослабило социальное недовольство в целом.

Фёдор быстро развернулся на пустой дороге, поравнялся с женщиной. Та шарахнулась в сторону, но когда за опустившимся стеклом увидела знакомого, несколько успокоилась, однако совсем окаменела лицом.

– Здравствуй, Наташа, – сдержанно поприветствовал он женщину.

– Здравствуй, Фёдор, – отозвалась та, не поворачивая головы в его сторону, продолжая идти не торопясь.

– Напугал я тебя?

Женщина промолчала.

– Я заезжал к тебе только что. Даже не ожидал, что встречу на улице.

– Зачем ты ездишь ко мне, Фёдор? – ровно поинтересовалась Наталья, и также спокойно продолжила: – У тебя же семья есть. Мы уже не раз и не два говорили об этом. Что ты мучаешь и себя, и меня?

– Люблю я тебя, Наташа. Вот и езжу, – хмуро ответил Трошин.

– А я тебя не люблю. И говорила об этом уже много раз.

– А брательника моего любишь, значит, да? – непроизвольно катая желваками, спросил Фёдор.

Губы Натальи тронула лёгкая усмешка и тут же пропала.

– Ивана-то? А это не твоё дело. И я не лезу в его жизнь, как ты в мою. Где твоя гордость, Фёдор? Что ты за мужик такой? Вот вы братья с Иваном, а совсем разные.

У Трошина в нервном тике задёргалась щека.

– Не надо сравнивать меня с этим уголовником, – всё же спокойно сказал он.

– В ином уголовнике человеческого больше, чем в свободном, никогда не бывавшем там, – вздохнула женщина.

– Это ты сейчас обо мне? – недобро сверкнул глазами Фёдор.

Его лицо и бритая наголо голова покраснели от сдерживаемой злости.

– Это я сейчас вообще, – по губам Натальи опять скользнула едва заметная улыбка.

«Вот за что я её люблю, а? – подумал вдруг Фёдор. – Обычная баба. Да, симпатичная и даже красивая, на мой вкус. Но таких полно. Почему именно она? Скажи кому, – так ведь удивятся, ответят: посмотри вокруг, открой глаза, одиноких баб пруд пруди, а ты за одной юбкой таскаешься. И будут правы. Я сам это понимаю без чужой подсказки. Что со мной происходит?

Вон, и мочки ушей у неё некрасивые, и кожа на шее уже дрябнуть начала, и осанка изменилась, и глаза потухшие. Но она может быть другой, я знаю это, я видел её другой и просто терял голову, мычал как телёнок. Откуда у некоторых женщин такая особенность – забирать у мужиков разум и волю? Что за напасть такая?!»

– Уезжай, Фёдор, – спокойно произнесла Наталья.

– Ну, ладно, – процедил Трошин и прибавил газу.

Он внезапно для самого себя решил поехать к Ивану, всё же понимая, что глупо, вздорно и бессмысленно. Но Фёдор хотел только одного – врезать зеку со всей дури, сколько есть в руках. Всю жизнь эта морда на его пути маячит. И выкормыш его туда же!

Трошин знал, где снимает квартиру Иван, хоть и не общался с ним почти: мать как-то между делом рассказала, что бывала у Ваньки в гостях. А Фёдору адрес почему-то запал в память.

Его автомобиль летел по улицам. За стёклами мелькали редкие прохожие и ещё более редкие машины, ведомые водителями по каким-то делам.

Вот промелькнула небольшая толпа, азартно бьющая кого-то. Другие раскачивали легковую машину с уже выбитыми стёклами, чтобы перевернуть её.

По кузову джипа гулко стукнули несколько камней или ещё чего-то тяжёлого.

Фёдор зло выругался и дал ещё газу, оставляя далеко позади беснующихся молодчиков.

Никого застать дома ему не удалось. Выяснять у соседей он ничего не стал. Да и внезапная ярость поутихла.

Пора возвращаться на свою базу.

Сегодня Трошин запланировал выезд за город на очередную охоту. Его ухари сидеть без дела не должны: кормить надо всю эту ораву из родственников. Нужно решать вопросы с горючкой для машин и для дизеля, чтоб свет был. Нужно решать вопросы, чтобы была вода и своевременное и постоянное тепло в батареях – зима не за горами. Помимо этого есть ещё куча всяких дел и делишек. Полицаям ещё надо отстёгивать, чтобы не лезли, куда их не просят.

Проблем не меньше, чем в его бывшем бизнесе.

Прежде Фёдор никогда бы не подумал, что занятие криминалом может включать в себя столько забот. Только в фантазиях кажется: раз – и всё! Деньжат срубил по-лёгкому, можно жить весело. У кого-то так и получается, наверное. Но у них и ответственности нет такой, как у него. В общем, как ни крути, а приходится ему быть точно таким же заботливым отцом-командиром, что и прежнему главарю. И зачем он только надел на себя чёртов хомут? Бросить всё к едрене фене? А как жить тогда в нынешних условиях? По мелочи шакалить? Так он никогда не хотел этого, всегда к большему стремился. Вот и получил, чего просил.

Ещё поговаривают, что со дня на день в город введут войска. Уже появились военные патрули. Так что введение войск должно положить конец почти полной безнаказанности. Но ведь это означает, что и ему самому придётся лечь на дно. Тягаться с регулярными войсками нечего и думать.

Будь что будет. А пока надо урвать что-то и себе.

Трошин вздохнул нерадостно.

Его мысли опять переключились на Наталью.

Чёрт бы побрал эту любовь…

* * *

Небольшое семейство Никитиных без особых проблем добралось до загородного коттеджного посёлка, где жил старший брат – Андрей Николаевич Савельев со своей се-

мьёй.

Шли вынужденные переселенцы почти четыре дня, делая частые остановки для отдыха. Пятилетнюю Вику Иван нёс то на руках, то на плечах. Уже почти взрослый семнадцатилетний Ромка помогал матери нести вещи.

Первую ночь провели в каком-то подъезде. С утра двинулись в путь, к концу дня прошли оставшуюся часть города и заночевали на окраине в небольшой рощице, не разжигая костра, чтобы ненароком не накликать беду.

В следующие неполных два дня преодолели путь до посёлка и подошли к большому и красивому, из красного кирпича коттеджу Савельевых, обнесённому высоким, тоже кирпичным забором.

Переговорное устройство работало.

Автоматический замок на калитке щёлкнул. Никитины зашли на просторный, ухоженный двор с газонами, клумбами, дорожками из красивой брусчатки, резной в завитушках беседкой, большими в пару обхватов соснами, сохранёнными при строительстве дома. Всё здесь говорило о достатке и благополучии.

Из дома им навстречу спешил Андрей Николаевич. Он радушно обнял брата и сказал энергично, окинув быстрым взглядом немудрёные пожитки гостей:

– Вижу-вижу! Молодцы, что приехали. Теперь я хоть за вас буду спокоен. Проходите в дом.

– Андрей, мы ненадолго. Не хотим стеснять тебя. Как

определимся с жильём, сразу съедем, – смущаясь, ответил Иван.

Андрей Николаевич на правах старшего брата дал ему лёгкий шутливый подзатыльник и сказал с улыбкой:

– Будешь молоть чепуху – получишь ещё. Всё, проходите в дом. Приводите себя в порядок, отдыхайте. Пешком ведь шли, а? Понятное дело. С транспортом нынче проблема. Отдохнёте, а вечером организуем семейный стол по поводу встречи.

Остаток лета Иван со своей семьёй проживал у Савельевых.

Вдвоём братья лишь однажды выбрались в город, чтобы забрать мать. Поддавшись активным уговорам сразу двух сыновей, она согласилась на переезд.

Предлагать Фёдору переехать, Андрей Николаевич не собирался. Он только Ивану рассказал о том, что видел его в банде. Все остальные в посёлке узнали лишь о факте нападения и гибели людей во второй машине.

Было у Андрея Николаевича большое желание увидеть Фёдора и поговорить с ним по душам, что называется. Намять бока, а потом сдать в полицию, несмотря на то, что брат: его необходимо остановить, пока он не натворил бóльших бед.

Ещё до прихода Ивана, несколько раз Андрей Николаевич ездил в город, да всё никак не мог найти среднего брата.

Не получилось найти его и на этот раз, когда поехали за матерью. Никто из соседей так и не знал, куда он делся. Впрочем, братья понимали, какими делами занимается Фёдор.

Уехали ни с чем.

Размеренную и однообразную жизнь посёлка постоянно нарушали горячие и тревожные новости о ситуации в стране. Душевное напряжение от неизбежности наступления страшных времён не отпускало обитателей дорогих коттеджей. Все разговоры велись об одном и том же – как там, в Москве и в других регионах. Смогут ли выровнять ситуацию, появятся ли прежняя уверенность и определённость?

В доме Андрея Николаевича часто собирались гости и говорили, говорили, говорили…

Наверное, в этих бесконечных разговорах люди находили для себя какую-то отдушину, боясь оставаться наедине со своими тяжкими мыслями и предчувствиями. А так – поговорили, вроде как легче стало на время.

Мать братьев, Иван и Елена тоже присутствовали на таких посиделках. Впрочем, они занимали наблюдательную позицию, стесняясь высказывать свои мысли в компании далеко не бедных людей, отягощённых самомнением, а порой и самолюбованием от собственных складных и пространных речей.

Когда бывала электроэнергия, все прилипали к телевизо-

рам, жадно впитывая новости и любую другую информацию, часто противоречивую. Но в целом всё было ясно: войны не избежать. На компромисс противоборствующие стороны – чтоб им пусто было! – идти не желают. По всей стране активизировались военные комиссариаты, рассылая пачками повестки о так называемой переподготовке «партизан». Мужиков и раньше время от времени дёргали на такие сборы. Кто-то ездил, но большинство попросту игнорировали подобные повестки: у всех работа, дела, семья… А тут какая-то идиотская, никому не нужная переподготовка.

На этот раз всё было иначе. Повестки вручали в руки в присутствии вооружённого патруля, давали на сборы не более пятнадцати минут и уводили как под конвоем. Если кто-то артачился, то патрульные не церемонились – применяли грубую физическую силу. Ходили слухи, что порой доходило до применения оружия.

Теперь у обывателей исчезли последние сомнения. Теперь только самый наивный мог ещё поверить, что это обычные сборы. Потом все вернутся и всё будет по-прежнему.

К концу августа власть в городе почти бескровно перешла в руки оппозиционеров.

Почти бескровно, если не считать покалеченных и убитых во время бесконечных митингов, потасовок непримиримых сторонников противоборствующих групп и группировок, личных разборок из-за каких-то конфликтов.

Местная верхушка оппозиции самопровозгласила себя

легитимной властью и тут же окружила город тремя общевойсковыми бригадами, командование которых пока ещё официально подчинялось центру, но разделяло взгляды и намерения оппозиционеров.

Причиной послужило вполне объяснимое желание новой власти иметь весомую поддержку и защиту.

Руководство страны этим фактом осталось очень недовольно, но сделать ничего не могло, поскольку Москву раздирали те же самые центробежные силы. В стольный град тоже ввели верные власти войска. Но это ещё больше разозлило людей. На улицах появились баррикады. Столица замерла в предчувствии большого кровопролития.

Так что на неопределённое время центру стало не до регионов, особенно отдалённых.

Всю страну уже давно накрыла уродливая мозаика политического, национального и религиозного расслоения общества. Теперь за непокорность и инакомыслие одних, другие открыто стали угрожать им не просто жёсткими мерами, а жестокой расправой.

И всё же, несмотря на вынужденное бездействие центра, власть во многих регионах продолжала оставаться в прежних руках.

Там, где её перехватили оппозиционеры, ещё толком не определившиеся со своим центральным руководством, ничего особенного пока не происходило, кровь рекой не лилась, но все понимали – это ненадолго. И какая бы власть ни

была на местах, ничто уже не остановит недовольных ею.

Сторонники центра навешивали ярлыки сепаратистов на оппозиционеров и всячески клеймили тех позором, постоянно уличая в связях с разведками недружественных держав.

Так это было или нет, оставалось неясным, поскольку лидеры оппозиции, почувствовавшие за собой силу, зачастую не считали нужным комментировать подобные заявления.

Вместе с этим значимым политическим событием, произошло ещё одно, абсолютно неприметное для города, края и тем более для страны – пропал приёмный сын Ивана.

Он оставил записку о том, что отправился в город по очень важному для него делу. Какому именно, сказать не может, но пусть никто не беспокоится. Всё будет хорошо.

Записку от сына обнаружила Елена на столе в комнате, где они жили с Иваном всё это время. Дети проживали в соседней, однако Ромка заботливо положил записку у родителей, воспользовавшись тем, что тех не оказалось на месте.

Женщина сразу побежала к Ивану.

Тот, непривычный сидеть без дела, нашёл себе работу по прямой специальности: в посёлке оказалось немало желающих то кирпичную кладку где-то подправить, то ещё какую работу сделать. Поэтому Иван был, что называется, нарасхват. Да и Елена без работы не осталась: по хозяйству помочь, ещё что-нибудь сделать. Рассчитывались с ними исправно и хорошо. Прежде никогда не зарабатывавшие та-

ких денег, Никитины с тихой радостью млели, чувствуя свою востребованность и уважение со стороны заказчиков.

А тут такая беда с сыном!

– Ваня, Ромка пропал! – даже не отдышавшись, выпалила женщина.

Иван прекратил работу, уставился на жену.

– В каком смысле?

– Оставил записку, что ушёл в город, – Елена показала бумажку с неровными строчками.

Никитин чертыхнулся, прочитав её.

– Ну что ты бухтишь, Ваня, – всплеснула руками женщина. – Надо искать его.

– Где ты его там искать собираешься? У тебя хоть какие-то предположения есть, куда он пойти мог? Говорил он тебе что-нибудь, или как-то по-другому намекал?

Елена отрешённо покрутила головой и произнесла, едва не плача:

– Ничего он не говорил. Искать его надо, Ваня…

Иван молча закурил, глядя в сторону, выпуская дым через нос.

«Где его искать-то теперь? – думал он невесело. – В принципе, парень взрослый уже, вполне самостоятельный, голова на плечах есть. Что его в город понесло? О друзьях его я почти ничего не знаю, скрытный стал с возрастом, о подругах – тоже… Стоп! Подруга. Какая ещё причина, как не эта, может «сорвать крышу» молодому парню? Только штука в том,

что и о подруге, если такая есть, я не знаю ничего».

– Может, к подруге подался? Есть у него подружка, ничего не знаешь?

Елена прижала руки к губам, присела рядом с мужем.

– Глупая я баба, Ваня, – произнесла она очень серьёзно. – Я же видела его как-то с девочкой красивой. Ксюша её зовут. Ты не знаешь её. Это дочка Натальи Малиновской.

От неожиданности Иван вздрогнул.

Но Елена ничего не заметила, продолжая:

– Она по мужу Михайлова была, потом после развода опять свою фамилию вернула, а дочка отцовскую носит. Мне Ромка уже потом рассказал, когда я его начала об этой девочке расспрашивать. Очень может быть, что он к ней пошёл. Как же я сразу не подумала? Ромка молодец у нас, такую красивую девочку нашёл себе. Только зачем он поступил так и ушёл к ней?

«Да, девочка вся в маму. Надо же, Ромка каков! Губа не дура, – думал Иван, внешне оставаясь бесстрастным, не слушая продолжавшую что-то говорить жену. – Тебе и невдомёк, что знаю я их обеих. В начале лета встретил как-то на улице. Поздоровались, разошлись. Какие глаза у Натальи были, а, когда увидела меня! И дочь удивилась, почувствовала, видать, как изменилась мать при встрече со мной. Похоже, любит Наташка меня до сих пор, вот же штука какая, хоть и лет столько прошло… А я? Даже не знаю… Осталось что-то, ведь сердечко-то застучало, как увидел её! Застучало…

Но у меня есть жена. Такую ещё поискать надо. Лену я люблю и не брошу. Я не из тех, кто добро забывает. Н-да, ну и ситуация!»

– Я знаю, где они живут, – продолжала женщина. – Надо ехать туда.

– На чём? – скептически спросил Никитин.

Елена сникла.

– И потом, почему ты уверена, что Ромка именно там?

– Я чувствую.

– Чувствует она, – проворчал Иван. – Андрей по делам куда-то далеко уехал. Неизвестно, когда вернётся, а ждать нельзя. В городе чёрте что творится. Кто знает, что ещё Ромке в голову втемяшится. Но с другой стороны, предположим, найду я его, верну, а он опять уйдёт. Тут что-то другое надо придумать.

– Я с тобой пойду, – решительно заявила женщина.

– Нет. Здесь останешься, – возразил Никитин. – Сама знаешь, путь неблизкий. А я попробую напрямки рвануть, хоть немного, но срежу. Не поспеешь ты за мной.

– Хорошо, – покорно согласилась жена. – А где ты его искать будешь? – она вдруг с подозрением посмотрела на мужа.

– Вообще-то я у тебя спросить собирался, – нашёлся Иван. – Ты ж слова сказать не дашь.

– Ой, да ладно тебе! – отмахнулась женщина. – Знаешь, на Дзержинского есть дом «сталинка»? Я номер не помню, но над аркой дата постройки выложена из кирпичей – тысяча

девятьсот сороковой, по-моему. Не помню тоже. Когда Ромка рассказал, я из любопытства съездила, глянула и всё. Даже не думала, что понадобится вспоминать. Там ещё торговый центр… этот… как его…

– Да понял я, где это, найду. Если что, спрошу у людей квартиру. Обычно в таких домах все друг друга знают, – ответил Иван, прекрасно представляя, о каком доме говорит жена.

– Когда пойдёшь?

– Сейчас и пойду. Поговорю только с хозяином. Скажу, дело срочное в городе есть. Как вернусь, всё доделаю.

– Так, может, он отвезёт тебя? – с робкой надеждой поинтересовалась Елена.

– Даже не надейся, – хмыкнул Иван. – Этот в город ни за какие коврижки не поедет. Опасается. Ладно, иди домой. Я скоро.

– Ваня, я люблю тебя за то, что ты такой. За то, что ты есть у меня. На тебя можно положиться во всём, – женщина потянулась к нему, обняла нежно.

Иван тоже обнял её, поцеловал и сказал:

– И я люблю тебя, Лена. Если б не ты, я пропал бы… Ну всё. Иди. Собери там, в дорогу мне чего-нибудь. Одежду тёплую достань из сумки. Ночи уже холодные. Денег возьму тысяч пять. Мало ли, вдруг пригодятся.

Женщина ушла.

А Никитин опять закурил, хоть и не хотел совсем.

«Напрямки пойду, – размышлял он. – Ромка вряд ли пошёл этим путём. По дороге-то удобнее. Хотя, кто его знает. Парень он действительно самостоятельный уже. Может и так пойти. Мимо города всё равно не промахнётся. Ну, выйдет на пару километров левее или правее относительно какого-то определённого места. Это не существенно. А если он всё же пошёл по дороге? Н-да… Задачка с двумя неизвестными. Что хочешь, то и выбирай. Догнать бы его, надавать по шеям и назад вернуть. Мозгов совсем нет, хоть и взрослый уже. О матери вообще не думает. Сперматоксикоз, что ли в башку стукнул? Интересно, к Наталье… тьфу ты… к дочке её он пошёл или ещё куда? Ну, схожу я к ним, спрошу. А если его нет там, что тогда? Где его искать? Ленка у меня простая, как три рубля. И почему она так уверена, что Ромка именно там? Хотя, я бы тоже в первую очередь об этом подумал. Вот деятель! Точно по шее схлопочет. Ладно, надо идти».

* * *

Андрей Николаевич возвращался из Новосибирска, куда ездил на своём автомобиле. Его, как крупного чиновника, в числе других пригласили к полномочному представителю президента.

Из Красноярска поехали колонной, в сопровождении полиции, для безопасности, само собой. А вот возвращался он один, хоть и понимал, что рискованно это очень. Давешняя

засада в лесу многому научила. И всё же поехал один. Причины тому были разные: с кем-то отношения неожиданно разладились ещё на встрече у полномочного представителя, кто-то остался в Новосибирске по делам. Савельев никого ждать не стал.

На встрече обсуждалась одна главная тема – положение в стране и óкруге, в частности. Результатом этой поездки лично для Савельева стало неприятное осознание, что даже среди равных ему нет единства, что уж говорить об электорате.

У некоторых, кого Андрей Николаевич прежде знавал как исключительно лояльных к власти, той самой лояльности будто и не бывало никогда. Они открыто поддерживали оппозиционеров и не опасались выражать своего мнения в присутствии самого полномочного.

Давно искушённый в интригах Савельев ничуть не обманывался по поводу столь неожиданной смелости и принципиальности своих коллег. Наверняка они уже успели заручиться поддержкой народившейся оппозиции и выхлопотать себе местечки потеплее: всегда найдутся те, кому хочется больше того, что уже есть.

Полномочный представитель назвал этих чиновников оппортунистами, после чего те демонстративно покинули небольшой конференц-зал. За ними устремилась бóльшая часть пишущей братии, судорожно захлёбываясь бесконечными вопросами.

Официальная часть встречи закончилась форменным

скандалом к великой радости журналистов, привыкших к скукоте и рутинности подобных мероприятий, где всё уже давно решено и поделено.

И только после того, как оставшуюся прессу попросили покинуть конференц-зал, верные партийцы вернулись к обсуждению двух извечных русских вопросов: кто виноват и что делать. Ничего конкретного не решили, потому как привыкли жить по указке сверху. Подписанный протокол хоть и имел внушительный и официальный вид, по сути носил декларативный характер.

После встречи начали разъезжаться по вотчинам и кормлениям, где было также неспокойно и тревожно, как и в Новосибирске, как и во всей стране, вот-вот готовой сорваться в пропасть братоубийственной вакханалии.

Весь обратный путь Андрей Николаевич размышлял о произошедшем. На душе было скверно. Он и раньше нередко задумывался над порочностью системы, но находил самооправдание в том, что он всего лишь винтик в ней, легко заменимый, кстати. Чтобы замены не произошло, всего-то и нужно соблюдать «генеральную линию партии», что совсем нетрудно, если замкнуть совесть на замок. Не для того он так долго шёл к сегодняшнему статусу, чтобы разом перечеркнуть всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.